

Максим Михайлов

*От судьбы не
уйдешь...*

Тутт под Боснией

Максим Михайлов

Тучи над Боснией

«Станислав Щербаков»

2018

Михайлов М.

Тучи над Боснией / М. Михайлов — «Станислав Щербаков»,
2018

Гражданская война в Боснии не оставила в России равнодушными никого. Ехали на фронт русские добровольцы. Простые, далекие от политики люди отправляли деньги и материальную помощь. Выступали с заявлениями поддержки государственные мужи, слагали стихи поэты... Все были на стороне братушек-сербов, борющихся за свою землю. Русский аспирант-гуманитарий, волею судьбы оказавшийся в Боснии в самом начале конфликта без раздумий взял в руки оружие. Но были и другие. Те, кто будучи русским по крови воевал на другой стороне, получая за это деньги. Резня в Купресе. Позиционные бои на Сараевском фронте. Русские добровольцы Республики Сербской против "Черных ласточек" - спецназа мусульман. Джокеры - русские наемники в хорватской армии. Основано на рассказах участников событий.

© Михайлов М., 2018

© Станислав Щербаков, 2018

Содержание

Купрес. Первая кровь	6
Джокеры	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Максим Михайлов

Тучи над Боснией

Ветер шелестел в яркой зелени первой листвы весенних древесных крон, весело перекликались, радуясь теплу и солнцу птицы, журчала, перекатывая пенные струи по каменистому дну, узкая и быстрая горная речка. На берег вышли трое мужчин в пятнистой камуфляжной форме. Шедший впереди еле переставлял заплетающиеся на каждом шагу ноги, левая половина лица его вспухла огромным багровым синяком, глаз заплыл в узкую щелочку, плечи были безвольно опущены, руки сложены за спиной. Двое других выглядели не в пример бодрее, спокойные, уверенные в себе, они шли сзади, шагая не торопясь вразвалочку. В руках у них были автоматы, оба держали их с той сразу выдающей привычных к оружию людей небрежностью, что доступна лишь бывалым ветеранам.

– Умывайся! Кровь с морды смой и вообще, – повелительно гаркнул тот автоматчик, что был помоложе.

Пленник понуро опустил на корточки, сунув ладонь в пенные струи, и тут же инстинктивно отдернул руку. Текущая с гор вода была холодна, как лед и по контрасту с теплым воздухом неприятно обжигала кожу. Пожилой конвоир расхохотался хриплым каркающим смехом.

– Что студена водичка?! Ничего, потерпишь. Может быть, в последний раз умываешься!

Подстегнутый его смехом пленник все же зачерпнул полную горсть воды и зафыркал, размазывая ее по лицу.

– Тоже ополоснись, пожалуй, – потянувшись до хруста в спине, произнес пожилой и, отойдя чуть выше по течению, присел к воде, беззаботно положив автомат на камни.

Пленник кинул в его сторону острый внимательный взгляд из под трущей лицо ладони, конвоир этого не заметил. Молодой, тоже не блистал усердием в караульной службе, развернувшись к плещущемуся рядом подконвойному вполоборота, он с интересом наблюдал, за тем как его товарищ осторожно тянется к воде, балансируя на скользких прибрежных камнях. На приведенного сюда под конвоем ни один, ни другой охранник не обращали никакого внимания.

И тогда пленник решился. Стремительно завалившись на бок, он ударом ноги под колено подшиб молодого, да так ловко, что тот, оскользнувшись, съехал в воду, далеко в сторону отбросив автомат. Второй охранник еще только удивленно приподнимался, не понимая, что происходит, а пленник уже шлепал, борясь с течением, по середине мелкой, по колено, но своенравной речки. За автомат пожилой схватился, когда он уже выбрался на тот берег и был всего в нескольких метрах, от спасительной стены высившихся за речкой деревьев. Длинная патроны на семь очередь рванула воздух. Пули свистнули над головой беглеца, лишь заставив быстрее перебирать ногами. В несколько гигантских прыжков он достиг леса и, развернувшись, вскинул вверх согнутую левую руку, правая энергично хлопнула по локтевому сгибу, без слов демонстрируя облажавшимся конвоирам полнейшее презрение. Если внимательно приглядеться, можно было заметить тонкие белые шрамы, исполосовавшие локоть беглеца. Но особо приглядываться было некому: пожилой лихорадочно целился, а тот, что помоложе все еще возился на мокрых камнях, пытаясь выбраться на берег.

Купрес. Первая кровь

«Афганец» оказался неожиданно молодым и каким-то нарочито нескладным парнем, чем существенно разочаровал Андрея. Тот, услышав, что на студенческой вечеринке будет присутствовать всамомделишный участник войны, навидумывал себе невесту что. Занесло не в меру развитое воображение, представлялся почему-то эдакий гибрид между киношными Рэмбами и Шварцнегерами и персонажами картины «Три богатыря» Васнецова. Меж тем порог прокуренной комнаты в общежитии переступил сухощавый парень вовсе не героической внешности, да еще и в очках, самый обычный студент-ботаник, встретишь в коридоре института и никогда в жизни не подумаешь, что вот этот человек успел в свои двадцать лет побывать в далекой экзотической стране и не просто побывать, но и принять участие в боях. Может быть, он даже кого-то убил. Андрей пристальней взгляделся в лицо паренька, пытаясь заглянуть ему в душу, прочесть неуловимую Каинову печать убийцы. Тщетно... Ничего особенного, ну ничегошеньки, а ведь Мишка рассказывал вчера, что у этого воина есть самая настоящая медаль «За отвагу», только он отчего-то стесняется ее носить. Вот ведь чудак! Будь такая у Андрея, он и спал бы в ней! Нет, раз есть медаль, точно не в тылу на кухне кашу трескал, вот только совсем он пресный, обыкновенный, до обидного не героический... Может все-таки тут какая-то ошибка?

– Знакомьтесь, господа! – изобразив шутовской поклон, провозгласил Мишка. – Это Альберт. Для друзей просто Алик. Он недавно восстановился на наш факультет после службы в армии. Причем служил не где-нибудь, а в Демократической Республике Афганистан. А это, как вы понимаете, дело не простое. Так что прошу любить и жаловать!

Алик в процессе этого представления неудержимо покраснел и, как-то виновато уткнув взгляд в пол, пробурчал что-то вроде: «Здрассте!», при этом невооруженным глазом было заметно, как он смущен и недоволен Мишкиной репризой. Однако долго пребывать в подвешенном состоянии на всеобщем обозрении в центре комнаты гостю не дали. Со всех сторон уставленного бутылками портвейна стола приветственно загалдели, замахали руками, приглашая присесть рядом. Удобно примостившаяся на коленях у Андрея уже изрядно подвыпившая Светка тоже что-то заверещала, подцепив замершего в нерешительности Алика за рукав куртки, так что тот волей-неволей приземлился рядом с Андреем на продавленный диван. Тут же кто-то сунул «афганцу» в руку до краев наполненный мутноватой бордовой жидкостью стакан.

– За Советскую Армию! Могучую и непобедимую! – взревел дурным голосом Мишка. – Пей до дна! Ура-а-а!

Алик в несколько глотков выцедил стакан до дна и, гадливо передернувшись, шумно занял рукавом.

– Ты закуси! Закуси! – подпрыгивая на коленях у Андрея, хлопотала Светка, пихая вновь прибывшему, над которым по неведомым причинам решила взять шефство, прямо в лицо косо отломанный кусок шоколада.

«Афганец» однако, лишь отрицательно мотнул головой и потянулся к крупно нарезанным кускам копченого сала, переданного кому-то из присутствующих деревенскими родственниками.

– Фу, граф! Кто же закусывает благородное марочное вино салом! – взвился Мишка.

– Это вот эту бурду ты зовешь марочным вином? – хохотнул Алик, сгребая разом несколько крупно нарезанных щедрой рукой розоватых, пахнущих дымом кусков.

– А какое вино пьют в Афганистане? – кокетливо стреляя глазами и норовя задеть соседа обтянутой черным нейлоном настоящих французских колготок ногой, вклинилась в разговор Светка.

– Никакого. Там пьют шароп, – косо глянув на нее, ответил Алик.

– Ух ты, а что это?

– Виноградный самогон, – произнес «афганец» смерив раскрасневшуюся от выпитого вина девчонку неприязненным взглядом.

Ох и не понравился этот мимолетный взгляд Андрею, уж больно много в нем было негатива и не обычного повседневного и привычного, а какого-то нового вида, страшного и холодного. Так, наверное, смотрит на врага человек перед тем, как нажать спусковой крючок. Светка, впрочем, будучи особой маловпечатлительной и к тому же непробиваемо уверенная в своей неотразимой привлекательности для любого лица противоположного пола сделала вид, что ничего не заметила и, как ни в чем не бывало, продолжала тарыхтеть, явно кокетничая.

– Ух ты, это как кальвадос, наверное. Вкусно?

– Нет, – отворачиваясь, отрезал Алик. – Полное говно. Сплошная отрыжка.

Светка попыталась было спросить еще о чем-нибудь, но Андрей, ущипнув ее за ногу, прошипел:

– Что ты прилипла к человеку? Видишь, он не хочет об этом разговаривать, и вообще, веди себя прилично, не размахивай перед ним ногами, он все равно не оценит!

– Подумаешь! – тут же надулась Светка, что четко говорило о том, что упрек попал в цель и намерение очаровать такую экзотическую диковинку как ровесник – ветеран войны, пусть не совсем осознанно, но присутствовало. – Ничего я и не размахивала! Вечно тебе мерещится невеста что! И вообще, я, между прочим, свободный человек, что хочу, то и делаю! И тебе я не жена, чтобы ты мной командовал. Ишь разошелся, как султан в этом, как его... ик!... гареме! Вот!

С этими словами она возмущенно заерзала на его коленях и наконец, неловко перевесившись, сползла в узкую щель между Андреем и Аликом, нарочито прижавшись к последнему грудью.

– Алик, а в Афганистане, правда, бывают гаремы.

«Афганец», страдальчески искривившись лицом, молча кивнул.

– А ты в них бывал? Там, наверное, сказочно красиво? А какие там женщины? Все наверное красавицы... Слушай, а наши, русские там есть? Вот было бы интересно стать любимой женой какого-нибудь султана? А правда, что евнухов кастрируют, иначе они не выдерживают красоты султанских жен? А много вообще бывает у мусульман жен? А что они носят?

– Нет! – коротко отрубил Алик, глядя на Светку почти с ненавистью.

– Что «нет»?

– Отвечаю на твой первый вопрос. Нет! Я никогда не был ни в одном гареме и понятия не имею, как там все устроено.

– Фу, какой ты грубый... – обиженно протянула Светка и отвернулась.

Впрочем ненадолго, так как Андрей, воспользовавшись моментом когда боевая подруга наконец повернулась к нему лицом скорчил ей рожу и показал язык, что заставило уязвленную в лучших чувствах Светку вновь броситься в атаку.

– Послушай, Алик, а как ты считаешь, где женщины красивее у нас или в Афганистане?

При этом Светка нарочито простодушно замахала щедро накрашенными ленинградской тушью ресницами и состроила такую умильную гримаску, что вариант ответа мог быть только один. Альберт страдальчески закатил глаза к потолку, но все же, собравшись с духом произнес, стараясь не замечать ухищрений навязчивой соседки:

– Мне лично больше нравятся мусульманки...

У Светки буквально отвисла челюсть от неожиданности и единственным, что пришло на ум, было абсолютно глупое и смертельно обиженное:

– Почему?

– Потому что они всегда ведут себя очень скромно, не заговаривают первыми с мужчинами и не имеют привычки докучать им назойливыми вопросами, – отрубил Алик, окончательно отворачиваясь от возмущенно вспыхнувшей Светки.

– Что съела? – злорадно шепнул девчонке на ухо Андрей. – Поделом тебе, нечего к чужим мужикам приставать.

Светка лишь возмущенно фыркнула, презрительно оттопырив нижнюю губу.

Вечер катился по накатанной колее, портвейн лился рекой, компания уже не пыталась пить в едином ритме и разбилась на мелкие группки по интересам, ведя в каждом кружке свой собственный разговор, причем голоса, по мере выпитого становились все громче, а темы все развязнее. Где-то по темным углам уже откровенно обжимались особо темпераментные парочки. Те же, кто еще сохранял видимость приличия, не всегда попадая в ритм, извивались в танце на свободном пятачке у окна. Громогласно ухали мощные колонки, били по ушам специально выделенные басовые частоты, мигала самодельная цветомузыка, превращая все происходящее в какой-то нереальный калейдоскоп. С балкона плыл сладковатый аромат ананаса, «афганец» с Мишкой раскуривали на двоих косяк. Остальные поглядывали на них с плохо скрытой завистью, вот так вот спокойно на глазах у кучи свидетелей курить какой-никакой, а все же вполне реальный наркотик, бесстрашно нарываясь на неприятности с уголовным кодексом, пороку хватало не у всех.

Андрей бестолково топтался напротив сладострастно изгибавшейся Светки. Танцы никогда не были его сильной стороной, скорее уж наоборот, могли числиться в разряде его недостатков, с малолетства обделенный музыкальным слухом и чувством ритма, он частенько вызывал своими потугами танцевать смех окружающих. От того танцев не любил, вел себя закрепощено и подчеркнуто сдержанно, с невероятно задумчивым и независимым видом попеременно покачиваясь с одной ноги на другую, мол, не очень-то и хотелось, но вот вытащили танцевать, теперь приходится в отмазку что-то изображать. Светка напротив, двигалась пластично, как кошка, выглядела при этом невероятно влекуще и сексапильно, покрасневшая с припухшими от возбуждения губами, сама это знала, потому никогда не упускала возможности показать себя перед сокурсниками. Андрей первое время бурчал на нее за это, не на шутку обижался и устраивал сцены ревности, Светка дулась и обещала вести себя сдержаннее, но хватало ее не надолго, в конце концов, Андрей махнул на это рукой «горбатого могила исправит». А потом как-то незаметно привык и масляные мужские взгляды, оглаживающие точечную фигурку разошедшейся на очередной дискотеке подруги, перестали будить его ревность, а даже наоборот вызвали какое-то подобие гордости собой за обладание таким вожаком для окружающих чудом.

Сейчас, как и обычно, большая часть мужской компании украдкой нет-нет да поглядывала на особенно увлеченно отплясывающую Светку, а женская пребывала в глухом недовольстве, постоянно одергивая своих пляшущихся куда не надо кавалеров. Совершенно не поддались магнетическому влиянию ритмично двигающихся ягодиц и бедер лишь две особи мужского пола, находящиеся в комнате. Алик, глубоко затягиваясь дымом тлеющего в руке косяка, казалось, не обращал внимания ни на что на свете, глядя пустым взором куда-то вглубь самого себя. А Мишка давно уже изучивший Светку, как облупленную, и доподлинно знавший, что на большее чем просто посмотреть рассчитывать все равно нечего, что-то увлеченно рассказывал «афганцу», тот впрочем, его как будто не слушал. Подобное поведение для подвыпившей Светки видимо было сродни тяжкому оскорблению, Андрей засек несколько горящих праведным негодованием взглядов, брошенных ею на эту парочку, но в тот момент такая реакция подруги его не насторожила, а даже как будто позабавила. По молодости студент Андрюха плохо себе представлял, на что может толкнуть подобное отношение оскорбленную в лучших чувствах женщину, и насколько ее действия будут отличаться от тех, что может предсказать прямолинейная мужская логика.

Вскоре бухающие по барабанным перепонкам басы сменились спокойной нежно льющейся в прокуренную комнату мелодией.

– Белый танец, господа гусары! – пьяным голосом проорал кто-то. – Дамы приглашают кавалеров!

Андрей шагнул было к Светке, ничуть не сомневаясь в ее выборе, но она ловко увернулась и, решительно сжав губы, шагнула на балкон.

– Разрешите Вас пригласить?

Алик, казалось, был захвачен врасплох, он растеряно, будто ища совета, что же теперь делать, оглянулся по сторонам, потом отрицательно мотнул головой:

– Извините, я не танцую...

Стоящий рядом с ним Мишка откровенно заржал.

– Что значит не танцую? Ведь дама просит...

Светка требовательно протянула руку, и Альберт чуть помявшись, неуверенно вложил в нее свою, после чего и сам не заметил, как оказался в самом центре расчищенного для танцев пятачка, а к его груди плотно прижалась упругая девичья грудь. Танцевал «афганец» отвратительно, двигался скованно, неумело, но особого мастерства от него и не требовалось, Светка старалась за двоих. Алик буквально плыл в дурмане ее духов, якобы случайных, а на деле точно рассчитанных прикосновений ее тела, тонул в широко открытых глазах, млел от легкого касания волос. Андрей стоял как оплеванный, усиленно делая вид, что ему все равно и происходящее ни в коей мере его не касается. Получалось плохо, со всех сторон он ловил направленные на него сочувственные взгляды, и от этого на душе становилось еще гадостнее. Казалось, что песня не кончится никогда, и медленный танец будет продолжаться вечно. В груди Андрея волной поднималась требующая немедленного выхода обида, он просто не знал, что делать, но чувствовал, что что-то предпринять обязательно должен, иначе эта нарастающая волна плеснет через край, затоплив мозг, и уже сама будет диктовать ему дальнейшее поведение. К чему это может привести, Андрей даже боялся представить. Он уже еле сдерживался, борясь с искушением подойти к мерно покачивающейся паре и, схватив Светку за волосы, просто оттащить ее от «афганца», наплевав на то, как это будет выглядеть и что подумают о происшедшем однокурсники. Он почти уже созрел для того, чтобы поступить именно так, когда ситуация получила другое, неожиданное разрешение, напрочь исключив его участие.

Светка особенно тесно прижалась к Алику и что-то быстро зашептала ему на ухо, тот сначала слушал ее со снисходительной улыбкой, так, как взрослые люди порой выслушивают нелепости, изрекаемые кажущимся себе невероятно умным ребенком. Однако, улыбка быстро сползла с его лица, уступая место яростной гримасе, а потом и оскалу. Видевший «афганца» в профиль Андрей с тревогой следил за этой неожиданной метаморфозой, удивленно гадая, что такого могла сказать парню Светка, чтобы вызвало столь негативную реакцию, та меж тем продолжала что-то шептать, абсолютно не замечая отношения Алика к своим словам. Потому происшедшее далее стало для нее полной неожиданностью. В какой-то момент Алик просто резко вырвался из ее объятий и, отпрянув в сторону, закатил ей оглушительную пощечину. Именно пощечину не жесткую плюху по лицу открытой ладонью, не удар кулаком в челюсть, а вот этот вот хлестко оскорбительный шлепок по щеке, не несущий за собой иного смысла кроме выражения предельного презрения и отвращения. Все вокруг замерло, казалось, на мгновение стихла даже музыка, время остановилось. Андрей во все глаза глядел на смертельно побледневшую Светку, схватившуюся рукой за щеку и не отрывающую удивленно-испуганного взгляда от «афганца». Тот кусал губы от еле сдерживаемого бешенства, ноздри его широко раздувались, а из глаз готовы были брызнуть мелкие злые слезы.

– Как же вы мне все надоели, трупоеды! – гневно выкрикнул он, обводя взглядом застывших соляными столбами студентов. – Кому еще интересно, сколько я «духов» завалил?! Всем

сразу отвечаю: не считал! С десяток, наверное, наберется!!! Но точно не подсчитывал! Ясно?! Нет?! Все теперь запомнили?! Или кому-то еще персонально рассказать?! Падальщики, блин!

Студенты ошарашено молчали, опуская глаза, чтобы не встретиться с горящим настоящей, не наигранной ненавистью взором «афганца». Все замерли там, где стояли, лишь чья-то рука, потянувшись из подсвеченного разноцветным миганьем цветомузыки полумрака, вырубил магнитофон, погружая комнату в давящую на нервы напряженную тишину.

– Уроды! – процедил куда-то в пространство Алик и быстрыми порывистыми шагами вышел из комнаты, по пути вовсе не деликатно оттолкнув оказавшуюся у него на дороге и не успевшую разомкнуться объятия парочку.

С грохотом закрылась входная дверь, сыпанув на пол белую пыль облетевшей от резкого удара штукатурки.

– Да-а, – сипло протянул первым пришедший в себя после этой сцены Мишка. – Форс-мажор, что называется... Что ты ему такого наговорила, золотце?

Светка едва справилась с обиженно и жалко дрожащими губами.

– Не знаю, вроде ничего... Так просто спросила сколько он душманов убил... Просто, для разговора... Мне на самом деле все равно было о чем спрашивать... Я не думала...

– То-то и оно, что не думала, – осуждающе качнул головой Мишка. – Все вы бабы так, не думая, да по больному месту... Или ты считаешь что человека убить, как таракана прихлопнуть, так же просто? Шлепнул тапком и дальше пошел?

– Но ведь..., они же..., – заикаясь, попыталась возразить Светка.

– Что они же?! Что? Или ты думаешь, душманы не люди? Хрен ты угадала, милая... Точно такие же, как мы с тобой, это я тебе как будущий биолог ответственно заявляю. А ты, будто про комаров, сколько прихлопнул? Ясное дело парень вспылит... Знаешь, сколько таких же как ты деликатных, его каждый день достают... Не мудрено сорваться... Теперь до утра будет у окошка в коридоре курить, как в прошлый раз... Эх, дура, ты дура, правду про баб говорят: волос долог, зато ум короток.

– Но я же не знала! – вскрикнула Светка, в отчаянии обводя глазами собравшихся студентов. – Откуда я могла знать?!

Со всех сторон на нее смотрели осуждающие укоризненные взгляды, только Андрей подошел к подруге и осторожно приобняв ее за плечи, притянул к себе. Светка, резко дернувшись, сбросила его руку.

– Куда он мог пойти? Я объясню ему, что не хотела, что это вышло случайно. Мишка, где он сейчас может быть?

– Откуда я знаю? – удивленно пожал плечами Мишка. – Вообще он живет на четвертом этаже в двадцать первой комнате... А так, кто его знает, куда его понесло...

– Ладно, – решительно тряхнула головой Светка. – Тогда я пойду и найду его!

– погоди, Светуль, – опешил от такого заявления Андрей. – Куда ты сейчас пойдешь? Завтра вместе найдем этого психа, извинишься и все дела... Утро вечера мудренее, ни к чему сейчас горячку пороть...

Он нежно взял ее за руку, просительно заглядывая в глаза.

– Отстань!

С неожиданной силой она вырвала руку, ожгла ненавидящим взглядом и вихрем вылетела из комнаты, оставив его стоять, глупо хлопая ей вслед глазами.

– Не бери в голову, братка... Бабы дуры... Остынет и вернется..., – хлопнул Андрея по спине Мишка. – Ну а остальные чего построили такие кислые рожи? Праздник продолжается! Ну! Продолжаем веселиться, черт возьми!

Повинуясь повелительному жесту хозяина комнаты, вновь взвыл магнитофон, сперва неуверенно, а потом все раскованнее и непринужденнее задвигались пары. Праздник действительно продолжался. Лишь в одном Мишка оказался не прав. Светка так и не вернулась.

Измученный неизвестностью и ревностью Андрей полтора часа ломал свою гордость, уговаривая себя, что ничего страшного на самом деле не происходит, потом все же двинулся на поиски. Далеко идти не пришлось, дверь двадцать первой комнаты на четвертом этаже оказалась заперта, а сквозь покрытое облупившейся белой краской дерево отчетливо доносился характерный стон пружин стандартной металлической койки, точно такой, как стояла в комнате Андрея. Звучала она, кстати, тоже точно так же... Постояв несколько минут под дверью, понимая, что на стук просто не откроют, а выбить дверь не хватит ни сил, ни духу, Андрей ненавидя себя, Светку и всех окружающих, чувствуя в душе полнейшее опустошение, медленно побрел к себе, едва передвигая ставшие вдруг враз ватно-неловкими ноги.

– Так что же дальше? Чем закончилась история? Неужели Вы так и не выяснили отношений с этой девушкой? – немолодой уже лысоватый мужчина с неподдельным интересом перегнулся через отделяющий его от собеседника стол.

Высокий стройный парень, одетый в кричаще-яркую футболку и светло голубой джинсовый костюм задумчиво прикрыл глаза и, откинув назад голову, пару раз качнулся на стуле.

– Даже не знаю, что Вам ответить, профессор... Можно ли считать происшедшее на следующий день выяснением отношений... Я встретил ее утром в коридоре общежития. Было видно, что она чувствует себя виноватой и ей неприятно меня видеть. Она хотела просто молча пройти мимо, но я схватил ее за рукав и заставил все-таки остановиться и посмотреть на меня. Ее глаза были пусты, в них не было даже жалости. Понимаете, профессор, она смотрела на меня как на вещь, как на неодушевленный предмет... Это очень страшно, профессор, когда так смотрит любимый человек... Ведь, чтобы там не говорили, а антипод любви не ненависть, а равнодушие. Если тебя ненавидят, всегда есть шанс все исправить, от ненависти, до любви один шаг... Система не статична, понимаете? А здесь было сразу ясно, что ты просто вычеркнут из разряда людей, тебя нет, и ничего уже не поможет, чтобы ты не предпринял, как бы ни пыжился... Этот взгляд, он меня просто убил...

– Вы очень образно рассказываете, мой юный друг, очень образно, – явно сопереживая и оттого произнося слова слишком быстро, выпалил профессор. – Так что же дальше? Что она Вам сказала?

– Оставь меня, – горько вздохнул юноша. – Никаких извинений, никаких объяснений. Только это...

– Ну а Вы? Зная Ваш темперамент, не могу поверить, что Вы ничего не предприняли...

– Предпринял... Вот это...

Парень неспешно, словно нехотя выложил на стол левую руку, резким движением отвернул рукав куртки, внимательно, будто сам впервые увидел, осмотрел неровные бугристые шрамы, ярко-белыми полосками исчертившие предплечье, жирными линиями лежащие поперек вен, уверенным росчерком перечеркивающие биевание жизни в этом теле.

– Как? – пораженный профессор отшатнулся. – Андрей! Вы же говорили мне, что это травма, полученная в стройотряде!

– Выходит я Вас обманул, профессор, – безразлично пожал плечами юноша.

– Но это же чушь! Дикость! Из-за какой-то профурсетки... – профессор клокотал от переполнявшего его возмущения.

– Владимир Михайлович, я прошу Вас... – с нажимом произнес Андрей.

Почувствовав в его голосе опасные звенящие нотки, профессор чуть сбавил тон, хотя и продолжал возмущенно размахивать ладонями.

– Помилуйте, батенька! Нешто так можно, в самом деле? Да будь Вы какой-нибудь шалопай и ветрогон я бы и слова не сказал! Но Вы, умнейший, одареннейший аспирант, не побоюсь этого слова надежда нашего университета, вот так вот запросто хотели уничтожить себя и свой

талант, по столь легковесной, уж простите, причине?! Как можно вот так запросто отнять у Клио столь ревностного и преданного служителя. Увольте, не могу понять! Не могу!

Профессор настолько увлекся своим монологом, что последние слова буквально выкрикнул, приподнявшись со стула, видимо, вообразив себя стоящим на привычном месте за кафедрой и читающим очередную лекцию студентом.

– Тише, Владимир Михайлович, тише... – пытался его урезонить Андрей. – На нас уже обращают внимание.

Действительно две миловидных девушки пившие кофе с пирожными через столик от них, откровенно прыснули, прикрываясь ладошками, так насмешил их вошедший в раж профессор. А стоящий за барной стойкой вислuousый крепкий старик покосился в их сторону с явным неудовольствием, усмотрев в горячности профессора нарушение порядка и приличий. Правда никаких мер хозяин заведения предпринимать не стал, благо и сам профессор, и его молодой спутник уже целый месяц состояли его постоянными клиентами и немало приятно шуршащих денежных знаков успели сложить ему в карманы.

– Простите меня, Андрей, – на пол тона тише продолжал Владимир Михайлович. – Но подобное решение не делает Вам чести, не делает! Отнюдь! Это не решение проблемы, это бегство от нее! Да, да! Именно трусливое бегство!

– Может быть, – все так же задумчиво разглядывая шрамы, проговорил Андрей. – Но я ведь никуда не сбежал... Просто не смог... А потом уже не повторял таких попыток. А она даже не пришла меня проведать в больницу. Просто вычеркнула из жизни, профессор. Выбросила, как надоевшую игрушку...

– Женщины очень жестоки, мой мальчик, – качнул головой профессор. – Даже не так, жестоки неправильное слово. Они чрезвычайно прагматичны и целеустремленно выполняют заложенную в них генетически программу выбора наиболее предпочтительного самца, с которым можно иметь потомство. Понимаешь? Никакой романтики, вопреки устоявшимся в обществе стереотипам, всякие там высокие чувства и вздохи под луной в большей мере, как это ни странно, свойственны как раз мужчинам. У женщин же на первом месте точный расчет, который они лишь стыдливо прикрывают чувственным флером. Так было всегда, еще с пещерных времен, и всегда будет, до самого конца света. Конечно века цивилизации наложили на этот процесс некий облагораживающий блеск, и современная самка не бросается очертя голову на любого незнакомца у которого более впечатляющие физические данные, чем у ее законного супруга... Но когда различие между двумя особями принципиальное! Тут мгновенно вступают в действие те самые животные императивы, и вся патина цивилизованности слетает как пыль под дуновением ветра. Вот в такую ситуацию и попали Вы мой бедный друг...

– Да чем же он был лучше меня?! – перебил задетый за живое Андрей. – Поверьте, профессор, в нем вовсе не было ничего особенного! Если бы он был Ален Делоном, я бы ее понял, но этот сморчок...

– Стоп! – вытянул вперед ладони профессор. – Поверьте мне, юноша, Вы сейчас совершаете типичную для Вашего возраста ошибку. Вы мыслите мужскими категориями, это для мужчины, привыкшего, что называется «любить глазами» важен внешний вид партнерши и преимущественные шансы имеет наиболее красивая с его точки зрения самка. У женщин мозги устроены по-другому. Они делают выбор, основываясь не на внешней, а на внутренней сущности. А уж внутренне Вам до соперника было ой как далеко.

– Да что же такого особенного было у него внутри? Парень, как парень, – обескуражено развел руками Андрей.

– Врете! – безжалостно добил его профессор. – Врете сейчас мне и, что хуже, самому себе! Ведь сами мне рассказывали, что этот Ваш коварный соблазнитель был, несомненно, интересен одним свойством, которого не было ни у кого из остальных!

– Заинтриговали, – через силу улыбнулся Андрей и даже чуть наклонился вперед, готовясь выслушать профессорское откровение.

– Он единственный из Вас был на войне! – важно ткнув пальцем в потолок, произнес профессор. – Много пережил, рисковал своей жизнью, видел гибель товарищей, сам отнимал чужие жизни. Подобные испытания необратимо меняют психику. Превращают мальчишку в мужчину, вне зависимости от возраста. Пятнадцатилетний красный кхмер в Камбодже во всех смыслах более мужчина, чем тридцатилетний оболтус из московской «золотой молодежи». Мужчину делают пережитые испытания и преодоленные трудности, а отнюдь не возраст. Понимаете? Женщины же, подобную информацию о нашей внутренней сущности считывают практически мгновенно, в некоторых смыслах тут они чувствительнее самого, что ни на есть новейшего радара. Так что у Вас, мой бедный мальчик, изначально не было ни одного шанса. Даже сейчас Вы еще не достаточно мужчина, чтобы конкурировать с тем «афганцем», а уж четыре года назад, сами понимаете...

Какое то время они молча пили крепчайший дегтярно-черный кофе из маленьких изящных чашечек, по местному обычаю запивая его растворенным в воде цитрусовым соком из высоких тонкостенных стаканов. Физически чувствовалось, как за столом сгущается атмосфера неловкости. Андрей уже жалел о внезапно накотившем припадке откровенности, заставившим приоткрыть едва затянувшиеся душевные раны, на которые профессор тут же ничтоже сумняшеся насыпал соли. Владимир Михайлович же казалось, с головой нырнул в какие-то свои лишь ему ведомые, но чрезвычайно важные мысли и лишь удовлетворенно причмокивал, мелкими глотками смакуя волшебный напиток.

– Вот как хотите, Владимир Михайлович, а я все равно не могу понять, – прервал затянувшееся молчание Андрей. – Ну почему здесь все не так как в Союзе, то есть, тьфу... хотел сказать в России, не привык еще...

– Что ты имеешь в виду? Что не так? – остро глянул на него поверх чашки профессор.

– Да все! Куда ни глянь все другое. Цивилизация, такая же, как на Западе. Настоящая Европа! Магазины ломятся от товаров и все они куда как не плохого качества. Города чистые, аккуратные, с продуманной архитектурой, красивыми домами, улицами, скверами... Люди доброжелательные, приветливые... Ну я не знаю! Да вот хотя бы кофе! Я такой кофе только здесь впервые попробовал. Представляете? Только здесь впервые осознал, что все двадцать с лишним прожитых лет пил, извините, мочу, которую кто-то явно со злым умыслом обозвал именем этого благородного напитка. Почему у нас в России даже кофе нет?

Профессор добродушно рассмеялся.

– Да, как знакомы мне эти первые впечатления от заграницы. Ты ведь впервые за рубежом, Андрей? И сразу Югославия! Понятное дело тебя шок охватил. Начинать надо было с чего попроще... С Польши хотя бы, а еще раньше стоило съездить в Прибалтику, до того как она стала независимой. Тогда переход не казался бы таким резким. Ты не поверишь, каждый, кто впервые попадает за рубеж, задает себе те же самые вопросы...

– Почему же не поверю, очень даже поверю...

– Эх, Андрей, пойми, что раньше все эти условно дружественные страны держались только на наших деньгах, жировали на нашей «дружбе», брали с нас мзду, за то, чтобы мы могли числить их в своих «друзьях»... Где уж после таких трат о себе подумать... Русский Иван испокон веков неприхотлив, да терпелив, вот наше терпение и испытывали. А уж про Югославию и подавно говорить нечего, она и в соц. лагере всегда на особицу стояла. Ее и Запад всегда подкармливал, вроде как противовес Союзу создавал, пример того, как можно бы жить, если с капиталистическим миром нормальные отношения поддерживать. Вроде как клин вбивали в блок Варшавского Договора, уж тебе как историку пора бы и самому в таких вещах разбираться.

– Да ну Вас, профессор, это же не история, а скорее политика, – попытался отшутиться Андрей.

Но профессор нарочито веселого тона не принял, произнес серьезно и даже грустно:

– К сожалению, друг мой, сейчас Вы не правы. И соц. лагерь и блок Варшавского Договора уже только история, безобидные бесплотные призраки неспособные никого напугать, не могущие никого остановить... Горе побежденным...

– Ну это Вы уж совсем что-то мрачно...

– Мрачно, но, к сожалению верно и неизбежно. Ведь я историк, я знаю прошлое, а значит, могу предсказывать будущее. Они не остановятся на достигнутом, они пойдут до конца, желая с корнем вырвать даже саму память о тех, кто смел когда-то стоять у них на пути. Они не удовлетворятся расщеплением и унижением России, они захотят ее уничтожить, точно так же, как сейчас, тренировки ради, они убивают Югославию. Я чувствую запах пороха, Андрей, он буквально душит меня, не дает спокойно спать по ночам, воздух вокруг просто воняет порохом и кровью, разве ты не чувствуешь этого?

Ответить профессору Андрей не успел. С грохотом распахнулась от мощного пинка ботинка дверь кафаны. Жалобно звякнули, прогибаясь, украшавшие ее ажурные декоративные решетки. Андрей сидевший спиной ко входу, удивленно обернулся через плечо, недоумевая, кто мог стать причиной такого вопиющего нарушения порядка в этом месте всегда отличавшемся тихой почти домашней атмосферой. Здесь, даже изрядно перебравшие отличного качества ракии гости, отчего-то всегда вели себя смирно, видно действовала сама аура оформленного в стиле старинного замка заведения, ну и конечно, традиционное для страны, впитанное с молоком матери уважение к старшим, не позволявшее лишний раз гневить почти восьмидесятилетнего хозяина. Однако столпившимся у двери и подслеповато вглядывающимся в полумрак кафаны после яркого света полуденного солнца посетителям, похоже, не было никакого дела до устоявшихся традиций. Впереди стоял здоровенный детина, одетый в мятую черную рубашку, в распахнутый ворот бесстыдно выглядывала густо поросшая рыжим волосом мощная грудь. За ним теснились еще трое, чуть поменьше калибром и если главарь напоминал низким покатым лбом и далеко выдающейся вперед челюстью далекого пращура современного человека, то его товарищи больше чем на вставших на задние лапы орангутангов никак не тянули. Вобщем видок у нежданных гостей был тот еще, а уж густые волны тяжелой, животной угрозы, исходившие от них, мог, наверное, зарегистрировать даже сейсмический датчик.

Андрей разом почувствовал, как наливаются противной липкой тяжестью мускулы, а в животе вдруг становится пусто и холодно, несмотря на только что сделанный добрый глоток обжигающе горячего кофе. Публику подобного калибра он знал достаточно хорошо, чтобы примерно представить себе все прелести долженствующие последовать за столь многообещающим началом визита. В родной Андрею Москве в последнее время тоже развелось чрезвычайно много вот таких же гориллообразных бройлерных кабанов, и вели они себя всегда чрезвычайно нагло и развязно, совершенно не считаясь ни с какими моральными и правовыми нормами, понимая лишь язык грубой силы, на котором аспирант исторического факультета МГУ, к сожалению, не мог связать и пары слов. Еще со школьной скамьи, Андрей всегда считал, что важнее развивать мозги, чем мускулы, к стыду своему теперь приходилось признать ошибочность этой теории. Жизнь в родном городе за какие-то два года после развала Союза необратимо изменилась, сделав кардинальный разворот, и в первых рядах оказались тупые и наглые быки, не боящиеся никого и ничего, больше от скудоумия и врожденного отсутствия воображения, чем от реальной храбрости. Но к удивлению Андрея все общественные институты призванные держать в узде подобное примитивное и агрессивное быдло вдруг в одночасье либо приказали долго жить, либо стыдливо отворачивались, стараясь не связываться с распоясавшейся мразью вовсе.

Тем временем главарь-неандерталец сумел-таки сфокусировать свой взгляд и, осмотрев помещение кафаны, вполне предсказуемо остановил его на том столике, за которым в напряженных позах замерли пившие кофе девушки.

– Гы! – удовлетворенно выдохнул неандерталец, и в его маленьких свинячьих глазках зажглись радостные огоньки. – Смотрите кто здесь! Целых две сербских шлюхи! Ровно на две штуки больше, чем должно быть в приличном заведении! Да и вообще, в славном хорватском городе Купресе, что-то слишком много стало сербских мерзавцев.

Орангутанги за его спиной радостно заржали, а девушки сжались, испуганно втянув головы в плечи, отчаянно делая вид, что они не слышали ни брошенной реплики, ни последовавшего за ней смеха, видимо, до последнего питали весьма призрачную надежду, что если старательно не замечать наглецов, может быть пронесет.

Надо сказать, что Андрей, впервые оказавшийся в Югославии и до этого даже теоретически незнакомый с населявшими ее людьми, через месяц пребывания в небольшом городке Купрес, расположенном на одноименном плато в центре Боснии и Герцеговины, уже вполне сносно понимал язык на котором говорили местные и вполне уверенно мог с ними объясняться. Дело скорее всего тут было не в его выдающихся лингвистических способностях, а в достаточной близости сербского и русского языков. Впрочем большая часть населявших город людей по-русски тоже говорила достаточно хорошо, сказывалось влияние огромной эмигрантской волны, выплеснутой сюда с донского приволья двенадцатибалльным штормом октябрьской революции. Кроме того, будущий историк, обладая профессиональной наблюдательностью и вниманием, легко мог различить по внешнему виду две преимущественно населявшие Купрес нации: хорватов и сербов. Навскидку сформулировать, чем же так резко отличались друг от друга эти два народа, он вряд ли смог бы, видимо, дело было в бессознательно оцениваемой совокупности различных мелких деталей внешнего облика, но не ошибался в своих оценках аспирант практически никогда. Так что ничего удивительного в том, что зашедшие в кафану хорваты легко опознали в сидящих за столиком девушках сербок, не было.

Что уж тут говорить, местные коренные жители узнавали друг друга за километр и традиционно недолюбливали. Корни неприязни уходили глубоко в века. Самым свежим поводом была, пожалуй, великолепная резня учиненная здесь хорватами в годы Второй Мировой войны, за которую впрочем пришлось заплатить немалый долг кровью, как сербским четникам, так и партизанам Тито. Прощать же здесь традиционно не умели, и долги чести привыкли получать жизнями обидчиков, а не денежными компенсациями, извинениями и публичным покаянием, даже сейчас почти пять десятков лет спустя местные отлично помнили, кто из какой семьи кого в то время убил. И лишь железная рука и непреклонная воля обожаемого всеми югославами Тито до поры не давала вцепиться в глотку обидчикам. К моменту описываемых событий Тито уже давно был мертв. Теперь вековую вражду населяющих город народов не сдерживал никто.

Главарь ворвавшихся в кафану молодчиков неспешно, наслаждаясь явной растерянностью и беспомощным страхом жертв, вразвалочку, будто привыкший к постоянной качке матроса, направился к столику девушек. Один из орангутангов остался у дверей, намертво заблокировав их своей гороподобной тушей, остальные лениво рассредоточились по залу. Хозяин кафаны, восьмидесятилетний, но сухой и крепкий, как палка серб Любомир уверенным шагом вышел из-за стойки и горделиво подняв седую голову, двинулся наперерез главному бузотеру.

– Доста (хватит)! Пошутили, и будет, – тихо, но веско произнес он. – Если зашли выпить кофе, или ракии, то садитесь за стол. Если нет, то идите на улицу и там задирайте прохожих. В моей кафане, принято вести себя прилично.

– С кем это ты сейчас говоришь, сербская собака? – лениво процедил неандерталец, нехотя разворачиваясь лицом к неожиданной помехе.

Тут только Андрей обратил внимание на нацепленную на его правую руку белую повязку с коряво выведенной темной краской буквой «U». Буква эта сразу показалась молодому исто-

рику чем-то знакомой и невероятно важную роль играющей в происходящем сейчас, вот только парализованный страхом мозг все никак не мог вспомнить, что же именно она значит. В противоположность Андрею старик-серб, похоже, провалами памяти не страдал, увидев загадочную букву, он будто с маху наткнулся на кирпичную стену, смертельно побледнел и даже будто стал ниже ростом.

– Что узнал эмблему? – издевательски захохотал хорват. – Что молчишь, пес? Ну молчи, молчи... Я и сам все вижу. Ты ведь должен помнить эту букву, правда? Пришло время, вот мы и вернулись.

– Ублюдок! Мразь! – срываясь на фальцет, истерично выкрикнул старик и вдруг бросился на радостно скалящегося главаря, замолотил кулаками по его бочкообразной груди.

Здоровенный хорват лишь издевательски хохотал, по-видимому вовсе не чувствуя боли от ударов. Наконец ему наскучило это развлечение, и он мощным хуком справа свалил старого кафанщика на пол. Равнодушно сплюнул на бессильно распростершееся тело и, перешагнув через него, двинулся напрямик к замершим в ступоре девушкам. Андрей в бессильной ярости сжал кулаки, его так и подмывало броситься на этого ублюдка, но он ясно отдавал себе отчет в том, что вряд ли на него здоровяку потребуется больше времени и сил, чем на старика кафанщика. В данном случае разум побеждал горячность чувств, неумолимо и безжалостно оценивая шансы на успех подобного проявления рыцарского героизма как более чем призрачные. А где-то на самом дне души гаденько ворочалась мелкая подленькая мыслишка побуждавшая сидеть тихо, как мышь, авось пронесет, ведь две молодые девушки не в пример более интересный объект для глумления и издевательств здоровенных дегенератов, чем худосочный ботаник в очках. Зато профессор вовсе не раздумывал о соотношении сил и возможных последствиях. Раньше, чем Андрей успел его остановить, Владимир Михайлович пулей вылетел из-за стола и, гордо расправив худые по-мальчишечьи острые плечи, встрепанным воробышком встал на пути хорвата, дерзко поглядывая на него из-за толстых стекол очков.

– То что Вы сейчас сделали, низко! – гневно прозвенел его голос. – Как Вы могли поднять руку на старого человека! Извольте немедленно извиниться!

Надвигавшийся на профессора, будто танк, огромный хорват удивленно остановился, видимо его поразили диковинные, не привычные фразы очередного старикашки, к тому же говорящего с непонятным акцентом.

Воспользовавшись мгновением замешательства неандертальца, профессор, повернувшись к девушкам, свистящим шепотом прошипел:

– Скорее бегите за стойку, там есть второй выход на улицу!

Упрашивать они себя не заставили и резво вскочили на ноги. Андрей против воли успел отметить точеные бедра той, что была чуть выше. Едва прикрытые мини-юбкой они просто приковали его взор, хотя ситуация, мягко говоря, не располагала. Вообще Андрей был вовсе не в восторге от сербских девушек, его пугали и отталкивали резкие орлиные черты их лиц, нарочитая раскрепощенность в общении и постоянно демонстрируемые независимость и превосходство. Но эта брюнетка, двигавшаяся, быстро, но вместе с тем пластично и изящно, как кошка вдруг пробудила в его душе мощный сексуальный заряд. Не ко времени и не к месту, но факт остается фактом, Андрей вдруг испытал на какой-то миг головокружительную эйфорию, ощутил себя могучим и огромным, способным на все суперменом. Ему мучительно захотелось пусть всего на несколько минут стать настоящим средневековым рыцарем, способным ради мимолетной улыбки прекрасной дамы бросить вызов всему миру. Этот внезапный порыв заставил его подняться на ноги, он просто обязан был защитить эту девушку от зарвавшегося быдла.

Тем временем, видя, что жертвы, которых считали уже пойманными, того и гляди ускользнут орангутанги бросились в погоню. Однако девчонки оказались куда как проворнее, звонко процокав каблучками по половицам они успели выскочить в дверь, ведущую в под-

собные помещения и захлопнуть ее за собой задвинув с обратной стороны металлическую защелку. Первым подскочивший к неожиданной преграде орангутанг тяжело ударил в дверь плечом, та жалобно заскрипела, прогнулась, но устояла. Главарь попытался тоже броситься вслед за остальными, но у него на пути стоял профессор. Неандерталец протянул вперед свою лапу, решив попросту отодвинуть в сторону этого надоедливой мелкого прыща. Но не тут-то было! Профессор, по-кошачьи мякнув и сделав в воздухе несколько замысловатых пассов руками, замер в диковинной стойке, недвусмысленно вызывая противника на честный бой. Андрей какой-то оставшейся холодно-невозмутимой частью сознания, будто жившей отдельно от него самого и лишь наблюдавшей за происходящим со стороны вспомнил краем уха слышанный когда-то в университетских коридорах разговор, о том, что профессор будто бы все-речь увлекается каким-то экзотическим направлением ушу. Вот и сейчас тщедушное тело Владимира Михайловича ловко изогнулось замерев в немыслимом положении, глаза из под очков смотрели с веселой злостью, а маленькая сухонькая ладошка копируя киношный жест Брюса Ли издевательски приглашала неандертальца подходить. От такой наглости бугай даже как-то опешил и не нашел ничего лучшего, как произнести бессмертную фразу, практически одинаково звучащую на всех языках мира, по крайней мере благодаря характерной интонации ее трудно с чем-нибудь спутать:

– Да, ты кто такой?

– Русский турист! – с горделивым видом ответил профессор. – И сейчас я надеру тебе задницу!

Фраза была им случайно услышана в каком-то голливудском боевике и, как большинство настоящих ученых, изрядно оторванный от реальной жизни, профессор посчитал ее наиболее уместной в данном случае. Среагировал хорват, однако, лишь на первую часть предложения.

– Рус? – нехорошо осклабившись, уточнил он.

– Рус! – подтвердил профессор.

Андрей уже изрядно пожалевший о секундном порыве, заставившем его так опрометчиво подняться из-за стола, с нарастающим страхом увидел, как плотоядно скалясь, разворачиваются к профессору все еще толпившиеся за стойкой амбалы. Даже тот, что ломился в запертую дверь и уже почти выдавил косяк, прекратил свои усилия, с нехорошей улыбочкой рассматривая новое действующее лицо спектакля.

Дальше все произошло очень быстро, как при ускоренной перематке видеофильма, по крайней мере, так это воспринял Андрей. Профессор, еще раз мякнув, сделал широкий шаг вперед и с размаху воткнул сложенную копьём ладонь в живот главаря. Тот утробно рыгнул и опустил на голову профессора свой пудовый кулак, после чего ноги Владимира Михайловича разом подкосились, сделали несколько запинаящихся шагов по инерции и, наконец, окончательно отказались поддерживать тело в вертикальном положении. Видимо тонкие, требующие высокой концентрации энергии и использования силы мысли, приемы восточных единоборств не рассчитывались для применения против грубой первобытной мощи, примитивно устроенных организмов. Андрей, понимая, что не может и дальше вот так же стоять, как истукан сделал несколько запинаящихся шагов навстречу хорвату и неловко замахнулся, думая лишь о том, как бы суметь отключиться после первого удара противника, может тогда сильно бить не будут. Хорват легким боксерским пируэтом развернулся к новой угрозе, заранее расплываясь в широкой торжествующей улыбке. На какой-то момент время для Андрея остановилось, так поразила его эта вовсе не похожая на зверский оскал, а вполне человеческая, даже чуть снисходительная улыбка. А потом он нечаянно моргнул, окружающий мир вновь пришел в движение, и движение это выразилось в весьма неприятной для аспиранта форме. Тяжелый удар в скулу бросил его на колени, картинка перед глазами поблекла и начала размазываться, становясь размытым и трудно уловимым органами чувств пятном. Он еще успел почувствовать полновесный удар в грудь, отозвавшийся острой болью в легких, потом прилетело откуда-то

сбоку под ребра, потом удары посыпались градом и какой-то из них милосердно пришелся в затылок, погасив таки и без того оцепеневшее от непривычного ужаса происходящего избие- ния сознание.

Очнулся он от того, что на голову обрушился целый водопад ледяной воды, зафыркал, пытаясь вытрясти капли затекшие в нос, мотнул головой уворачиваясь от все продолжавшего литься откуда-то сверху потока. Виски тут же прострелила тупая игла ноющей боли, с трудом разлепив заплывшие веки и в непривычно узкие щелочки глаз взглянув на неприятно двоящийся и плохо фокусирующийся окружающий мир, Андрей различил морщинистое лицо склонившегося над ним кафанщика.

– Это ничего, ничего... – как заведенный приговаривал тот. – Главное кости целы, а мясо нарстет, нарстет...

Андрей попытался что-то произнести в ответ, но распухшие, отяжелевшие губы почему- то отказались разомкнуться, и изо рта вырвалось лишь натужное шипенье. Язык уткнулся в обломки передних зубов, вызвав короткую вспышку боли, и аспирант про себя ужаснулся, показалось, что во рту осталось только несколько обломанных почти до основания пеньков.

– Молчи, не говори ничего, – предостерег его серб, присев рядом на колени и аккуратно обтирая лицо Андрея смоченной в холодной воде губкой. – Живой и то хорошо, могло быть гораздо хуже.

За плечом кафанщика появился профессор, на удивление выглядел он целым и невредимым, только еще более неуклюжим и растрепанным чем обычно. Лишенные очков глаза подслеповато щурились, пытаясь лучше разглядеть Андрея, и от этого все лицо Владимира Михайловича приобретало такое нелепое комичное выражение, что Андрей не удержался и разразился коротким взлаивающим смешком.

– Ну значит живой! – обрадовался профессор. – А я уж боялся, что эти молодчики тебя убили! Ну слава богу!

– Кто это был, профессор? – едва ворочая непослушным языком, выдавил из себя Андрей. – Что означает эта «U» на повязке?

– А, – криво улыбнулся профессор. – Ты тоже обратил внимание? Эта «У», друг мой, сокращение и означает оно...

– Ублюдки! – с ненавистью скривившись, перебил профессора серб. – Уроды! Убийцы!

– Эта «У» означает, что вернулись старые времена, – невозмутимо продолжал Владимир Михайлович, дождавшись, когда давящийся ненавистью Любомир замолчит. – Такую эмблему носили хорватские националисты – «усташи» во время Второй Мировой. В Купресе они оставили о себе черную славу, зверствами и убийствами, творимыми над мирным населением. Сербским естественно... Похоже, все возвращается. Стыдно, коллега, мы ведь именно ради изучения геноцида сербского населения сюда приехали. Как же Вы не узнали отличительный знак главных фигурантов нашего с Вами расследования.

Андрей почувствовал, как волна стыда поднимается откуда-то из глубины избитого тела, затапливая красной краской щеки, жаром ударяя в тяжелую туго соображающую голову. Действительно, как можно было так глупо опростоволоситься? Ведь на самом деле оба они прибыли сюда именно для поиска материала по проблеме геноцида и этнических преступлений националистических движений, по которой писал докторскую диссертацию профессор. Одной из составных частей этой докторской должна была стать кандидатская молодого, подающего надежды аспиранта Андрея Медведева. То, что он сразу не понял, с кем имеет дело, было, конечно же, непростительной ошибкой.

– Я понимаю Вас, коллега, – снисходительно улыбнулся профессор, похлопав его по плечу. – Действительно, очередное доказательство неправоты тех, кто считает историю наукой апеллирующей исключительно к седой, покрытой мраком забвения древности, может сбить с толку и более подготовленного человека, чем Вы. Примите же случившееся как урок. История

наука живая, и всегда есть шанс лицом к лицу повстречаться с изучаемым Вами явлением. В данном случае это явления оставило вполне, я бы сказал, материальный след на Вашей физиономии. Извините за черный юмор...

– Да черт с ним, Любомир прав, кости целы, остальное заживет. Другой вопрос, откуда они взялись? Ведь это нельзя так и оставить! Надо же что-то делать! В милицию сообщить, наконец!

Старый серб при этих словах лишь горько улыбнулся.

– Кто может защитить серба на его земле, кроме самого серба? Какая милиция, наивный юноша... Кто захочет вступить за вечно притесняемый народ, кроме его самого? Вот только настоящих сербов осталось мало. Молодежь стала слабой и неспособной за себя постоять, старики вроде меня скоро умрут. Горе сербскому народу, горе...

– Да бросьте причитать! – задиристо оборвал его профессор. – В Боснии и Герцеговине почти половина населения сербы. Уж кому бы говорить про притесняемый народ, так не вам! Подумаешь, в кои-то веки выбрали президентом республики мусульманина, что же он в одночасье вернет старые времена? Полноте, не рассказывайте нам страшных сказок...

– Горе сербскому народу, горе... – будто не слыша слов профессора, бормотал старик, раскачиваясь из стороны в сторону, будто впад в подобие молитвенного транса.

Спустя четверть часа, кое-как приведя себя в порядок, отчистив одежду и отмывшись от крови, профессор и аспирант вышли из кафаны и двинулись вдоль по узкой улочке, ведущей в глубь старого города застроенного прекрасно сохранившимися двухэтажными домами начала века. Профессор возбужденно подпрыгивал на ходу, нервно подхихикивая и то и дело, дергая Андрея за одежду, требовал, чтобы тот разделил его впечатления от происшедшей схватки. Андрей у которого все сильнее и сильнее, по мере того как нервный стресс проходил, ныли многочисленные синяки и ссадины, его энтузиазма не разделял. Напротив где-то глубоко в груди у него смутно зарождалось неясное тревожное чувство неправильности всего происходящего. Что-то было не так, и лишь безудержная трескотня профессора мешала осознать в полной мере, что именно. Наконец он сообразил. Город будто вымер, узкая мощеная булыжником улочка была безлюдна, не работали многочисленные мелкие магазинчики и лавочки, слепо пялясь на мир укрытыми тяжелыми металлическими ставнями окнами. Закрытыми оказались газетный и табачный киоски, не видно было и привычно жмущихся у перекрестков продавщиц цветов. Над городом стояла недобрая зловещая тишина. Андрей, невольно поддаваясь давящей на психику атмосфере всеобщего оцепенения, все глубже втягивал голову в плечи и ускорял шаг. Профессор, до которого тоже дошло, что с улицы в одночасье пропали невесты куда все обычно заполнявшие ее в этот час жители города, удивленно оглядывался по сторонам, подслеповато щурил глаза и озадаченно качал головой. Оба историка молчали. Ни один, ни второй не решались первыми высказать чудовищное подозрение, хотя у обоих оно переросло уже практически в уверенность. Было совершенно ясно, что неожиданное и наглое явление усташей среди бела дня в кафану и странное безлюдье всегда оживленной в это время суток, связаны между собой самым тесным образом. Вот только связь это предполагала настолько страшную подоплеку, что даже говорить об этом не хотелось. Вдруг все на самом деле имеет другое простое и будничное объяснение. Господи, пусть так и будет, ну что тебе стоит... Господи...

Гулкий стук кованых ботинок по брусчатке они слышали издалека и почему-то не сговариваясь, нырнули с улицы в ближайшую подворотню. Еще сегодня утром, до захода в злополучную кафану, им и в голову бы не пришло прятаться от кого бы то ни было в этом по-европейски чистеньком, цивилизованном и показательно благополучном городке. Но за последние несколько часов все вокруг неожиданно изменилось и теперь казалось вполне естественным укрыться в подворотне, чтобы не встречаться с теми, кто в этом новом мире чувствует себя, как рыба в воде и, не прячась, ходит по улицам. Размеренный металлический стук приближался,

уже можно было различить, что идут трое или четверо человек. Андрей затаил дыхание, в треть лица выглядывая из подворотни, прижавшись всем телом к шершавой кирпичной стене. Вот сейчас он увидит их, вот сейчас они должны показаться. Все громче цокают о булыжник подковы. Вот они! Профессор тихонько вздохнул где-то за его плечом и тут же стремительно зажал себе рот рукой, боясь, что эти ненароком услышат. Не слышали, слишком поглощены были сами собой, шествовали посередине улицы, величаво, по-хозяйски. Трое молодых парней в пестром камуфляже и десантных ботинках, вооруженные короткими винтовками, на руках у всех троих такие же повязки с буквой «U», как у давешних налетчиков, а между ними седой как лунь, но еще крепкий старик в черной фашистской форме с самым настоящим «шмайссером» на плече. Андрея пронзило совершенно дикое впечатление, будто сместились слои времени и ожившие призраки Второй Мировой вышли на улицы города, пылая жаждой мести, по отношению к тем, кто победил их в прошлой жизни навсегда, как тогда казалось, загнав в небытие. Он даже несколько раз моргнул и мелко неумело перекрестился, прогоняя наваждение. Не помогло, старый усташ не растаял в воздухе, а все так же лязгая подкованными сапогами, топал по брусчатке.

– Где же он столько лет форму прятал? – удивленным шепотом протянул профессор. – Выходит до последнего надеялся, что старые порядки вернуться. Не зря, кстати, не зря...

– Тихо, профессор, умоляю, молчите! – почти беззвучно крикнул Андрей.

Профессор, однако, похоже его понял и больше происходящее не комментировал. Раздущившиеся от важности и осознания собственного величия усташы прошли по улице, даже не глянув в сторону подворотни, из глубины которой их провожали две пары глаз. Вскоре гулкое цоканье металлических подков затихло вдали, и город вновь погрузился в напряженную выжидательную тишину.

– Вот до чего, значит, уже докатилось, – укоризненно качнул головой профессор, привычным жестом потирая переносицу в том месте, где должна была находиться средняя дужка беспощадно раздавленных в драке хорватскими националистами очков. – А каков этот старый пердун?! Ты видел?! Все эти годы хранил где-то оружие и мундир! Надеялся, что еще возьмет свое. Похоже не зря...

– Но ведь так не может быть, профессор! – горячился Андрей, к которому с исчезновением усташеского патруля постепенно начали возвращаться присущие ему скептицизм и здравый смысл. – Ведь еще утром все было нормально! Откуда повылазила вся эта мразь! Что такого могло произойти, что они вдруг осмелились выползти на свет в фашистской форме?! Куда делась милиция, городская администрация, армия, наконец? Куда они все смотрят?

– Куда смотрят? Хороший вопрос! Я давно уже себе его задаю. Еще с тех пор, как в город начала возвращаться местная хорватская молодежь добровольцами уезжавшая на войну за отделение Хорватии, дравшаяся с югославской армией в Вуковаре. Ты разве не обратил внимания на это?

Андрею враз припомнились хмурые кучки молодых людей, характерного спортивного телосложения, одетые в полувоенную форму тут и там встречавшиеся в городе. Вели они себя тихо, вовсе не агрессивно, но появлялись на улицах все чаще. Все больше возникало на заборах, стенах домов, автобусных остановках угрожающих надписей, суливших всевозможные беды проживающим в городе сербам. Еще он вспомнил, как нервно реагировали на молодых хорватов без дела подпирающих стены домов и двери подъездов, проходившие мимо сербы, старавшиеся обойти молодчиков десятой дорогой, хотя те никогда не говорили в их адрес ни слова. Просто смотрели тяжело и выжидательно, с вождением, тем взглядом, каким голодный волк смотрит из темноты зимнего леса на жирное овечье стадо. Он просто не придавал этому значения, теша себя иллюзией показного внешнего благополучия уютного европейского городка. Видимо такие же розовые очки вполне сознательно напяливали на себя и городские власти, и милиция, и представители югославского Департамента Безопасности, словом все те,

кто должен был первым заметить неладное и бить тревогу, пресекая готовую затопить город беду на ранних стадиях. И вот сегодня, нарыв, похоже, созрел и готов был прорваться.

– Ладно, пойдем, посмотрим, что делается возле здания городской милиции.

– Разумно ли это, профессор? – удивленно пролепетал Андрей. – Может быть, правильнее было бы вернуться в гостиницу?

Владимир Михайлович глянул на младшего коллегу с неприкрытым изумлением.

– Да что с Вами, Андрей? Какая сейчас может быть гостиница? Ведь если мы как прячущиеся в норы при приближении опасности мыши забьемся к себе в номер, то ничего не увидим из того, что здесь будет происходить. А значит, пропустим настоящие исторически значимые события. Вы же профессионал, как Вы можете даже подумать о том, чтобы не принять участия в происходящем?! Кроме того, хозяин нашего отеля, как Вы и сами прекрасно знаете, – серб. А значит, если начнутся погромы, отель станет одной из мишеней разъяренной толпы. Так что отсидеться там все равно не получится. Поверьте, гораздо безопаснее свободно перемещаться по городу, чем сидеть в четырех стенах, как в ловушке и ждать, когда до тебя доберутся уличные громилы.

– Но, профессор, это может быть опасно... – вновь попытался как-то урезонить старшего товарища Андрей.

– Ничуть не бывало! В этом городе опасность нам в любом месте будет грозить совершенно одинаковая, так лучше быть в курсе происходящего и попытаться хоть как-то влиять на события, чем покорно, как быки на бойне ждать, когда за нами явятся эти новоявленные ушати.

Поняв, что закусившего удила профессора никакими разумными доводами не сдержать, Андрей, покорно опустив голову и едва передвигая ноги, поплелся вслед за ним к зданию городской милиции. Владимир Михайлович, в противоположность ему весь будто наэлектризованный энергией и желанием действовать, укоризненно поглядывал через плечо, но молчал, буквально таща младшего коллегу за руку.

У здания милиции весело гомоня, толпились вооруженные люди, к немалому удивлению историков многие из них были облачены в такую же черную фашистскую форму, что и шедший в составе усташеского патруля дед. Только эти были значительно моложе, и форма оказалась поновее, видно специально сшитая для этого случая, похоже, местные хорваты давно и тщательно готовились к выступлению. Среди ряженных фашистов то и дело мелькали и серые милицейские мундиры, громко звучала диковатая музыка, подъезжали и отъезжали машины. Вообще весь внешний вид милицейского управления свидетельствовал о довольно напряженной работе, группы милиционеров, усиленные ушатами отъезжали от здания на машинах, или целеустремленным быстрым шагом уходили пешком. Порой с радостными криками и громогласными похвальбами возвращались, таща за собой полуодетых людей избитых и закованных в наручники. В углу просторной автостоянки беспорядочной кучей наваленные друг на друга лежали несколько тел в милицейской форме.

– Ага, – протянул профессор. – Судя по всему, в городе начались аресты авторитетных в среде сербов людей. Заранее обезглавливают возможное сопротивление.

– Но почему милиция на их стороне? – удивился Андрей. – Не могла же она целиком состоять из хорватов?

– Конечно, нет, – вздохнул профессор. – Вон присмотришься к тем, что лежат на стоянке. Вот они-то и были сербской частью милиции. Их просто расстреляли, чтобы не путались под ногами. Теперь бы узнать, что творится в других городах. Неужели такое происходит везде? И что по этому поводу думает президент? Он-то ведь не хорват, а мусульманин. Мусульмане ненавидят сербов не меньше, чем хорваты, но и с хорватами им есть что делить. Неужели все делается с его согласия?

– Профессор, чтобы это узнать, нам надо вернуться в гостиницу. Там есть телевизор, радио, телефон, наконец. Здесь становится слишком опасно. Нельзя в такое время шататься по улицам. Того и гляди, кто-нибудь из этих обратит на нас внимание.

– Эти для нас неопасны, друг мой, – отмахнулся профессор. – Они заняты важным делом. Проводят адресные аресты по конкретному плану. Они не будут отвлекаться на двух любопытных зевак, у них и без того работы хватает. А вот когда на улицы выйдут призванные к погрому толпы, а случится это, я думаю, ближе к ночи. Вот тогда и мы можем попасть в неприятности, а до тех пор, ничего с нами не случится. Потому нужно максимально использовать эту временную отсрочку для получения всей возможной информации о происходящем. Нам нужно добраться до военных. Где здесь ближайшее военное учреждение? Заодно и узнаем, как реагируют официальные власти.

– В принципе здесь неподалеку военная комендатура, там должны знать, что происходит.

– Так что же мы стоим? Скорее туда.

Путь до комендатуры оказался не столь близким, как планировалось. Еще пару раз они нарывались на патрулирующих улицы усташей, но к счастью успевали вовремя затаиться во дворах, пропуская мимо себя опасность. Надо сказать, что и патрули не сильно стремились кого-нибудь задержать, скорее просто демонстрировали свое присутствие. Андрею уже начало казаться, что они так и доберутся до самой комендатуры, не встретив по пути никаких неожиданностей и приключений. Однако он был не прав.

Глухой ропот возмущенной толпы они услышали еще за два квартала, благоразумие настойчиво советовало обойти место, где в такое время собралось отчего-то столь много народа, любопытство толкало навстречу неизвестности. Победило, как водится, последнее. Осторожно скользя вдоль самых стен домов, они приблизились к небольшой площади и, выглянув из-за угла, оказались всего в нескольких метрах от спин людей заполнивших собой ее всю. Толпа собралась около большого двухэтажного магазина с красочно оформленными витринами кричащими яркими вывесками о том, что здесь торгуют решительно всем и по самым низким в городе ценам. Двери магазина были закрыты, но огромные во весь первый этаж витрины, делали эффективность этой меры весьма относительной. Толпа бурлила возле ведущих к дверям широких каменных ступеней. А на самой верхней ступеньки размахивая сорванной с головы шапкой, бесновался одетый в легкую кожаную куртку невысокого роста лысый человек. Что он конкретно говорил, Владимир Михайлович с Андреем расслышать не могли, но даже с такого расстояния видели, как разлетаются изо рта увлекшегося оратора во все стороны брызги слюны. Собравшиеся встречали его речи одобрительным ревом, сразу было видно, что сказанное лысым им близко и понятно. Народ подобрался вовсе неоднородный, были тут угрюмые взрослые мужики, по виду типичные работяги, молодые парни, женщины средних лет и откровенно строящие глазки соседям молодухи, шныряли тут и там непоседливые юркие подростки. Андрей, не слышавший, о чем говорит оратор, стоявший вне основной массы людей, а соответственно не попавший под общий гипноз толпы, внимательно осмотревшись, легко вычленил нескольких особо заводных мужичков, громче всех оравших в ответ на произносимую речь. По тому, как грамотно они были расположены и как синхронно принимались вопить, будто повинаясь невидимому сигналу, аспирант заключил, что мужички явно подставные, специально разогревающие толпу, заводящие ее на действие. Вскоре он выявил еще одну группу, точно не имевшую отношения к стихийно собравшимся кто откуда на площади людям. Располагалась она у самых ступенек крыльца и состояла из широкоплечих, коротко стриженных молодых парней в одинаковых кожаных куртках черного цвета. «Это явно бойцы! Передовой отряд, который должен будет возглавить штурм! Право первого хода за ними, остальное довершит обезумевшая от погрома и крови толпа», – как-то отстраненно подумал Андрей. В руках у многих погромщиков он заметил толстые арматурные пруты – заранее готовились, сразу видно.

Чуть сбоку наполовину скрытая углом выходящего на площадь дома стояла патрульная машина милиции. Двое вооруженных автоматами милиционеров с ленивым интересом наблюдали за происходящим, небрежно облокотившись на капот. Рядом стоял здоровяк в камуфляже. На его рукаве Андрей разглядел уже знакомую белую повязку. На груди усташа висела казавшаяся на его фоне игрушечной охотничья двустволка.

Меж тем подогреваемая экзальтированным оратором толпа, будто морской прилив прихлынула к ступеням. Откуда-то из ее середины вылетел увесистый обломок кирпича и глухо ударил в запертые двери. За ним последовал еще один, на этот раз, врезавшийся в витрину, жалобно тренькнуло разбитое стекло, однако полностью не обрушилось, лишь зазмеилось трещинами, побежавшими во все стороны от дыры величиною с голову младенца. Напиравшие на ступени люди радостно заревели, потрясая кулаками. Казалось еще мгновение и толпа чудовищным напором снесет запертые двери, выдавит витринные стекла, и ничто уже не сможет ее сдержать. В эту самую секунду на втором этаже распахнулась дверь, ведущая на нависающий над крыльцом ажурный балкончик, и на пороге показался одетый в серый костюм-тройку мужчина. При виде его толпа разом замерла, будто наткнувшись на невидимую стену. В руках мужчина сжимал ружье, а лицо его так сильно искривила гримаса ненависти, что даже находившийся в нескольких десятках метров от него Андрей без труда смог ее разглядеть. Следом за мужчиной хватая его за руки и уговаривая вернуться, на балкон выскочили две молодые девушки в униформе, видимо, продавщицы. Одним резким движением освободившись от них и шагнув к перилам мужчина, перегнувшись через резные деревянные панели и сверля передние ряды погромщиков налитыми кровью глазами, в бешенстве проорал:

– Что, шакалы, почуяли пожизну?! Я слышал, что вы тут кричали! Сербы вам не по нраву?! Так что же вы не пошли громить рабочие кварталы, а приперлись к моему магазину?! Потому что с рабочих нечего взять?! Дети у вас голодные? Сербы вас обворовали, отняли у вас последнее? Так я вас сейчас накормлю!

Голос хозяина магазина разносился по всей площади, легко перекрывая гневный ропот в задних рядах толпы. Андрей отчетливо разбирал каждое слово.

– А ну пошли вон, трусливые твари! Здесь вы не получите ничего, кроме хорошей порции свинца! А он плохо переваривается даже такими не имеющими совести ублюдками, как вы!

С этими словами мужчина вскинул к плечу ружье и навел его на толпящихся внизу людей. Передние ряды подались было назад, но сзади продолжали напирать и пробившиеся вперед бестолково затоптались на месте не в силах остановить напор толпы и отступить.

– Прочь, ублюдки! Считаю до трех! Потом буду стрелять! Раз! – в ярости ревел хозяин магазина.

Продавщицы за его спиной сжались, закрыв лица руками, видимо, хорошо зная крутой нрав своего работодателя, ничуть не сомневались в том, что он исполнит свою угрозу. Погромщики ошутимо качнулись назад, еще мгновение и толпа из единого жаждущего крови врага организма превратится в беспорядочное стадо и охваченная паникой сломя голову бросится прочь. Андрей, загипнотизированный этим проявлением жесткой непреклонной воли одного человека, уже почти переломившего темную звериную жестокость собравшейся его уничтожить толпы, смотрел во все глаза, про себя повторяя отсчет последних роковых секунд: «Раз!... Два!...». Профессор дернул его за рукав, почти силой развернув в сторону стоящих у угла милиционеров в тот самый момент, когда одетый в камуфляж усташ вскинул двустволку, явно намереваясь опередить хозяина магазина. «Интересно, чем он ее зарядил?» – почему-то подумал в тот момент вовсе не разбиравшийся в охоте и охотничьих боеприпасах Андрей. В мозгу само собой всплыло слышанное где-то словосочетание «утиная дробь» и вдруг появилась твердая уверенность, что на таком расстоянии выстрел из двустволки такой дробью не должен причинить никакого вреда бесстрашному сербу. Спроси его сейчас отчего он решил, что ружье усташа не может быть заряжено чем-нибудь более опасным, он объяснить бы не смог.

Но, видимо, аспирант оказался прав в своих предположениях, потому что один из милиционеров успокаивающе похлопав усташа по плечу, веско положил ладонь на уже поднятые стволы, заставляя их опуститься вниз. Его напарник меж тем, криво улыбнувшись, поднял автомат.

– Три! – выкрикнул хозяин магазина и, подняв ружье вверх, выпалил в небо.

Грохнуло... Непривычному к стрельбе Андрею, показалось, что выстрел был очень громким под стать пушечному. Погромщики откровенно шарахнулись в стороны, уже не помышляя о добыче и расправе над ненавистным сербом. Инстинкт самосохранения мощно заявил о себе, перекрывая и вековую национальную неприязнь, разбуженную ловким оратором, и жадность, что подспудно мелким подленьким червем шевелилась в душе каждого погромщика, подзуживая его ожиданием неплохой поживы. На фоне ружейного выстрела короткая автоматная скороговорка, прозвучала вовсе не впечатляюще. Однако результаты ее оказались гораздо более наглядны. Стрелял милиционер на поражение, а поскольку несколько десятков метров, то расстояние, на котором из автомата по неподвижной цели не мажут даже зеленые новобранцы, то шансов у серба не было никаких. Будто ударом гигантского кулака его отбросило обратно во все еще распахнутые двери. Рядом с дверным проемом медленно оседала по стене вниз светло-волосая продавщица, удивленно глядя широко распахнутыми уже стекленеющими глазами на расплывающееся на груди кровавое пятно. Еще пара пуль неприятно взвизгнув рикошетом от бетонной стены, ушли в небо. Истошно визжала на немыслимо высокой ноте вторая девушка.

Милиционер удовлетворенно улыбнулся, щелкнул предохранителем автомата и со смехом что-то сказал усташу. Тот с маху шлепнул его по протянутой ладони, видимо, поздравил с удачным выстрелом. Андрей с ужасом почувствовал, как у него слабнут, становятся ватными колени, а ладони покрываются противным холодным потом. Мозг затопило ощущение полнейшей нереальности происходящего, помимо воли Андрей начал чувствовать себя персонажем третьесортного голливудского вестерна. Впервые на его глазах убили человека, а может быть даже двух и ничего не произошло. Мир не перевернулся, молния посланная с небес не поразила убийцу на месте... Не изменилось вообще ничего, даже огромные «Командирские» часы на руке продолжали также размеренно тикать отсчитывая секунды и так же несуразно смотрелись на слишком тонком юношеском запястье. Мир остался прежним, и жизнь молодого аспиранта все так же летела сквозь него, и время не замедлило своего бега, так же продолжали параллельно с ним жить в этом мире профессор и погромщики, визжащая продавщица и с ухмылкой принимающий поздравления усташа убийца. Это казалось невероятным, но так было.

Из оцепенения Андрея вывел многоголосый истошный вопль, долетевший от входа в магазин. Понимая, что никакого сопротивления больше не предвидится, погромщики вновь бросились на штурм. Двери продержались недолго и вскоре распахнулись, слетели с петель под напором людской массы. Но даже обе снесенные створки не смогли обеспечить достаточно широкого прохода для того, чтобы вместить всех желающих попасть внутрь и часть наиболее предприимчивых налетчиков попыталась пробиться в магазин через стеклянные витрины. Мелькнула в воздухе невесть откуда взявшаяся совковая лопата и, описав неэкономную размашистую дугу, врезалась в витрину, со звоном просело вниз, трескаясь и опадая стекло. Острые сабли осколков равнодушно стегнули по прижатым толпой к самой витрине, до последнего не осознававшим грозящей опасности людям, вот тогда то и раздался приведший Андрея в себя крик. Однако десяток раненых не мог уже никого остановить и даже задержать, прямо по ним равнодушно отталкивая в сторону тела, скользя в кровавых лужах, безжалостно топча упавших, в магазин рванулась толпа погромщиков. На какой-то момент здание стало напоминать муравейник, с такой же целеустремленной суетой носились по нему, взад-вперед расталкивая друг друга люди-муравьи. Вскоре из общей сутолоки начали вырываться счастливые обладатели добычи, они бережно прижимали к груди коробки и мешки с товарами, сжимали в охапку ворох костюмов и платьев, тянули за собой волоком тяжеленные ящики. Объединяло этих счастливицев одно, косясь по сторонам воровато прищуренными глазами, они спешили скорее

скрыться с захваченным добром в ближайшей подворотне, нырнуть в боковую улочку, пока не догнали и не отняли захваченное менее наглые и удачливые участники погрома. Мимо прижавшихся к нагретой солнцем кирпичной стене дома историков быстрым семенящим шагом проковыляла благообразная старушка, бережно прижимавшая к высохшей груди навороченный музыкальный центр. Огромные черные колонки она перекинула за спину, и они болтались за плечами, как уродливые крылья гигантской летучей мыши. Увидев Андрея с профессором, она испуганно шарахнулась в сторону и зашипела рассерженной кошкой, сразу давая понять внезапно вынырнувшим из-за угла незнакомцам, что без боя она со своей добычей не расстанется. Андрея аж передернуло от ужаса и отвращения, настолько символичным ему показалась эта картина: убеленная сединой старушка с внешностью отставной статс-дамы королевского двора, готовая вцепиться в горло первому встречному, покусившемуся на электронную диковину, что она сама только что украла, хотя голову можно отдать на отсечение даже не представляла, как ее включать. «Дикость, дикость... Какая же дикость!» – как заведенный шепотом повторял и повторял Андрей сжимая виски руками, пытаясь унять боль пульсирующую в них темную дурную кровь.

Профессор дернул его за рукав и требовательно развернул в сторону мародерствующей толпы:

– Смотрите, смотрите, коллега! А они вовсе не так просты, как казалось! Обратите внимание на этих в кожаных куртках! Они вовсе не грабить магазин пришли!

Действительно теперь и Андрей ясно видел, что среди бестолково суетящейся толпы резко выделяются плотного сложения молодые люди, уверенно будто ледоколы, расталкивающие льдины, режущие толпу во всех направлениях, целенаправленно оказывающиеся там, где нужно было взломать запертую дверь, ударом арматурного прута свалить попытавшегося остановить грабеж сторожа или просто придать энтузиазма пассивно ведущей себя людской массе. Они помогали, ободряли, подстрекали, исподволь руководили действиями погромщиков.

Воздух прорезал пронзительный женский визг, перешедший в жалобный почти звериный вой. Трое затянутых в черную кожу волокни вниз по ступенькам одетую в униформу продавщицу, девушка отчаянно вырывалась и шедший с боку кожаный здоровяк время от времени отвешивал ей хлесткие пощечины по лицу, размазывая по щекам густо струящуюся из носа кровь. После каждого удара девушка на секунду обмякала в руках двоих других, и им удавалось проволочь ее несколько метров, потом процедура повторялась. Андрей сжался в предвкушении нового ужаса, где-то в глубине души он понимал, что продавщицу тащат на середину площади не зря, что сейчас на его глазах будет сыгран очередной чудовищный спектакль. И от этого понимания по пояснице пробежали непроизвольные мурашки.

– Эй, ребята! – пробасил переключая висящий над площадью гомон здоровяк. – Кто хочет попробовать сербскую шлюху? Подходи, не стесняйся, сегодня она развлечет любого доброго католика бесплатно!

Девушка вновь рванулась из рук удерживающих ее громил, и тогда кожаный с размаху ударил ее кулаком в живот, жестко без всяких скидок на пол, так, как ударил бы мужчину. Продавщица охнула и, сложившись пополам, принялась судорожно хватать распыленным ртом воздух, будто вытасченная из воды рыба.

– Ну так что? Есть желающие?

Кожаный протянул свою лапищу и одним резким рывком распахнул халатик цвета морской волны, бывший на девушке. Приснули во все стороны оборванные пуговицы, ударило по глазам нестерпимо белым женским телом, перечеркнутым узкой полосой черного лифчика. Андрей помимо своей воли ощутил возбуждение, возбуждение и какой-то сладкий ужас предвкушения стыдного и запретного, что должно было сейчас произойти на его глазах. Он уже хотел этого, незаметно для себя из сочувствующего девушке невольного зрителя превращаясь в созерцающего спектакль похотливого самца. Примерно также разыгранная кожаным сцена

подействовала и на суетящихся возле магазина мужчин. Они уже оборачивались, останавливали свой суматошный бег за добычей, а порой даже опускали захваченные товары на землю, чтобы посмотреть, что же будет дальше. Постепенно вокруг несчастной продавщицы, кожаного и его приятелей образовалось плотное кольцо раскрасневшихся, тяжело дышащих мужиков напряженно наблюдающих за развитием событий.

– Ну что ж, раз никто не хочет быть первым, пожалуй, начну я сам! – кожаный глумливо улыбнулся и кивнул своим напарникам.

Те без особого труда завалили все еще не могущую отдышаться девушку на асфальт, а главарь, крикнув, пристроился сверху и тут же завозился, задвигался утробно ухая. Что было дальше, Андрей разглядеть не мог, плотно сдвинувшиеся вокруг места действия спины зевак мешали видеть происходящее. Лишь изредка до него долетали короткие всхлипы-стоны, да деловитая возня. Похоже, кожаного сменил кто-то из его товарищей, потом еще и еще раз. Потом вызвался какой-то прыщавый юнец из тех, что стояли вокруг, за ним под общие ободряющие смешки последовал морщинистый дед, потом угрюмый мужик, потом еще один, еще... Девушка давно уже не кричала, охрипнув и сорвав голос, а насильники методично сменяли один другого. Андрей почувствовал, как горлу подкатывает тошнотный комок, в происходящем на площади не было уже и доли эротики, даже той развращенной, что проповедуют садомазохисты, происходило просто элементарное скотство ничего общего не имеющее ни с занятием любовью, ни даже просто сексом.

– Профессор, давайте уйдем, – чувствуя, что едва сдерживается, прошептал Андрей. – Профессор, Вы слышите меня?

Тот стоял прямой как палка с заложенными за спиной руками и пристально вглядывался в происходящее на площади. Когда Андрей окликнул его, профессор вздрогнул, будто просыпаясь от гипнотического транса, секунду глядел на своего аспиранта, отсутствующими невидящими глазами.

– Нет, Андрей, смотрите на это. Смотрите и постарайтесь хорошенько запомнить. Вот это и есть тема нашей будущей работы. Вот это и есть тот самый геноцид, который мы изучали в теплых уютных кабинетах. Вот так он выглядит вживую. Знакомьтесь и постарайтесь запомнить.

С площади они уходили одними из последних. Когда разграбленный магазин уже вовсю чадил густо черным, нестерпимо воняющим горелым пластиком дымом. Погромщики разбрелись довольные собой и доставшейся на халяву добычей, уехали на патрульной машине милиционеры, усташ с двустволкой тоже уселся к ним на заднее сиденье автомобиля. Не торопясь по-хозяйски оглядываясь по сторонам, разошлись небольшими группками одетые в черную кожу бойцы. Посреди площади осталась лежать растерзанная покрытая кровоподтеками и ссадинами обнаженная девушка с бесстыдно раскинутыми в стороны ногами. Она была мертва, под конец развлечения коротко стриженный громила вспорол ей, уже давно бывшей без сознания, живот. Андрей про себя счел этот поступок жестом милосердия. Потом кожаные мордовороты, собравшись кружком, с веселым смехом принялись мочиться на труп и вот тут аспиранта все же вывернуло. Он мучительно кряхтел и перхал, согнувшись в три погибели, разом выплюнув все съеденное за завтраком, но не остановился на этом, а продолжал изгибаться в горловых спазмах, выблевывая остро пахнущую сизую желчь.

Профессор стоял рядом и неловко гладил его по плечу, невпопад приговаривая, что-то глупое и успокоительное.

До комендатуры они добирались еще около получаса, стараясь двигаться круглыми путями через глухие переулки, проходные дворы и подворотни. На улицы выходили, лишь тщательно осмотревшись по сторонам, и пересекали их быстрой перебежкой, предварительно убедившись в отсутствии поблизости усташеских патрулей. Те казалось, наводнили собой город. Андрей, впавший от всего увиденного в некое тяжелое, подобное наркотическому бреду, оце-

пенение, тупо недоумевал, где же скрывалась столько времени вся эта силища, как можно было заранее не обнаружить готовящуюся расправу? Неужели сербы в своей повседневной беспечности не чувствовали даже удушливую ауру смертельной ненависти которую должны были источать все эти вынужденные до поры до времени скрываться люди. Он задавал себе эти вопросы раз за разом, но ответов на них не находил. Пару раз до них доносились далекие хлопки коротких перестрелок, видимо, все же не все готовы были сдаться без боя, кое-кто оказывал сопротивление. На один из таких очагов они набрели, случайно свернув в поросший молодыми деревцами двор у старой кирпичной пятиэтажки.

Едва они показались из-за угла, как откуда-то сверху гулко ударил ружейный выстрел, раскатился, веселым эхом отражаясь от стен окрестных домов. Андрей от неожиданности присел на корточки, в ужасе зажав руками уши, он был отличной мишенью для засевшего у оконного проема на втором этаже стрелка и лишь то, что неизвестный серб был вооружен не автоматическим оружием, а требующим несколько секунд на перезарядку охотничьим ружьем спасло ему жизнь. Это, да еще то, что не растерявшийся профессор стремительно втянул его за шиворот назад за угол. Практически тут же грохнул второй выстрел, разочарованно взывала картечь, выщербливая угловые кирпичи, выбивая из них мелкую остро пахнущую строительным мусором пыль. Андрей потряс головой, вытрясая из ушей забивший их грохот, и наполняясь осознанием смертельного ужаса пережитой опасности. Он только теперь заметил, гибкие ловкие фигуры в черных усташеских мундирах и разномастном камуфляже тут и там перебегавшие от укрытия к укрытию в глубине двора. По мелькнувшему в проеме окна стрелку тут же ударили нестройные ответные залпы, сухо защелкали курки, басовито рокотнул автомат. Серб не отвечал, и стрельба сама собой смолкла. Атакующие осторожно выглядывали из-за деревьев, мусорных баков и покореженной детской горки, ржавым скелетом ископаемого динозавра высившейся посреди двора. Один наголо стриженный парень нашел себе укрытие за бетонным парапетом детской песочницы и теперь сосредоточенно выцеливал оттуда три распахнутых окна с выбитыми стеклами на втором этаже дома. Похоже, из них и стрелял серб.

– Эй, Марко, не стреляй! Давай поговорим, мы ведь хорошие соседи! Всегда можно договориться без стрельбы!

Андрей взгляделся пристальнее и различил, что кричит, притаившийся за поваленной набок детской каруселью черноволосый мужчина средних лет.

– Не о чем мне с тобой разговаривать, пес! – донеслось в ответ из дома. – Пусть теперь говорят ружья!

– Ошибаешься, Марко. Есть о чем говорить, – прокричал черноволосый, не рискуя, правда, высунуться из своего укрытия. – Мы ведь десять лет живем бок о бок. Я знаю и твою жену, и твою дочь. Не стреляй, я хочу поговорить о них.

Марко молчал, и, выждав какое-то время, черноволосый рискнул приподняться на локте высунув голову из-за металлического обода карусели.

– Молчишь? Правильно! Есть о чем подумать. Ты ведь не один в квартире, там у тебя еще молодая и красивая жена, юная дочь... Подумай, что станет с ними, когда у тебя закончатся патроны? Ты уже ранил одного из наших братьев, остальные очень злы на тебя, я не смогу удержать их, когда они все же ворвутся в твою квартиру... Подумай о своих женщинах!

– Что ты предлагаешь? – после затянувшейся паузы глухо отозвался осажденный.

– Предложение простое. Ты выходишь из дома один и без оружия. Мы арестуем тебя, как врага хорватского народа, твою дальнейшую судьбу решит суд. В этом случае твои женщины остаются целы, и им будет дано двадцать четыре часа на то, чтобы покинуть город. Они смогут взять с собой любое имущество, которое унесут. Большого я не могу для тебя сделать, сосед.

– Мне надо подумать, – не показываясь в окне, крикнул Марко.

– Думай, – согласился черноволосый. – Даю тебе пять минут на раздумья.

– Не верь ему, не верь... – донесся из глубины дома дрожащий истеричными нотками женский голос.

– Это ты, Милена? – тут же встрепенулся черноволосый, едва ли не по пояс, высунувшись из-за укрытия. – Зачем ты мешаешь мужу принять правильное решение? Или ты хочешь смерти и ему и себе?

По лицу хорвата в этот момент скользнула столь плотоядная и вождедеющая улыбка, что Андрей ясно, как в открытой книге прочитал по ней дальнейшую судьбу несчастной женщины, которой выпал горький жребий, так или иначе попасть в руки «доброго соседа».

– Заткнись, шелудивая собака! – проорал серб и, высунув в окошко ружейный ствол, для убедительности покрутил им. – Не мешай мне думать!

– Хорошо, хорошо, – успокаивающе замахал руками черноволосый. – Думай, кто тебе мешает, только помни, что время идет.

– Пойдем, этот двор можно обойти через улицу, – потянул Андрея за рукав профессор.

Но тот как замороженный продолжал вглядываться в зияющую битыми стеклами глубину квартиры на втором этаже.

– Ну, что ты застыл? – уже злился профессор. – Ждешь, пока эти обратят на нас внимание?

– Подождите, Владимир Михайлович, – просительно вымолвил Андрей, так и не обернувшись к своему наставнику. – Мне хочется знать, что он ответит.

– Что ответит, что ответит... – раздосадовано пробурчал профессор. – Ясно, что ответит, конечно, попытается своей жизнью купить жизнь своих близких. Это ведь даже не альтернатива, для любого цивилизованного человека выбор заранее определен.

– Подождите... Осталась минута, не больше...

И будто подтверждая сказанное аспирантом, черноволосый за горкой демонстративно поднес к лицу руку с часами.

– Двадцать секунд... Десять... Пять... Все, время вышло. Что ты ответишь, Марко?

– А вот что! – выкрикнул серб всего на одно мгновение в полный рост выпрямляясь над подоконником и вскидывая к плечу ружье.

Выстрел лопнул Андрею в лицо, ему показалось, что яркая вспышка дульного пламени плеснула прямо в глаза, но уже в следующую секунду он понял, что ошибся, серб стрелял вовсе не по нему. Черноволосого смяло и отбросило на несколько метров в сторону, грудь его была жутко разворочена попаданием нескольких картечин. Он громко хрипел и конвульсивно дергался всем телом, а из лохмотьев камуфляжной куртки бесстыдно вытарчивали какие-то сахарно белые острые как шипы осколки. С внутренним содроганием Андрей понял, что это пробившие кожу обломки ребер. Все произошло настолько быстро и неожиданно, что нападающие будто оцепенели и открыли шквальный огонь по окнам лишь после того, как серб нырнул за надежное прикрытие капитальной стены. Сквозь грохот стрельбы поспешно опустошавших магазины хорватов слышался его громкий издевательский смех. Андрею стало по-настоящему жутко, когда он расслышал, что в доносящийся из квартиры грубый мужской гогот то и дело вплетаются переливы дробного женского хихиканья. «Да они просто все здесь сошли с ума. Все до одного и одновременно. Может это какой-нибудь вирус? Ведь психически здоровые люди не могут так себя вести!» Он тоже не слишком жаловал своих московских соседей – многочисленную и задиристую молодежь, приехавшую в Москву откуда-то с кавказских гор и на беду несчастному аспиранту, снявшую однокомнатную квартиру напротив. Но от этой обычно бытовой неприязни до хладнокровного убийства, лежала огромная пропасть, перейти которую аспиранту казалось делом немыслимым. Здесь же люди будто разом сбросили с себя все запреты, кинувшись увлеченно рвать всех, кто слабее. Это никак не укладывалось в воспитанном от всего увиденного мозгу хорошо воспитанного московского юноши.

– Как тебе мое угощение, сосед?! – хохоча, выкрикивал серб. – Вкусно?! Что же ты молчишь?

В такт его крикам мелко и злорадно хихикали женщины.

– Смейся, сербская свинья, смейся! Подожди, как только мы до тебя доберемся, тебе станет еще веселее! – в бешенстве орали в ответ усташа. – Тебе и твоим шлюхам будет очень смешно, обещаем!

Ответом им были новые приступы смеха.

– У меня много патронов! – горланил серб. – Еще надолго хватит. А последние я потрачу на жену и дочь, так что вам они не достанутся, ублюдки. Можете не облизываться! Трахайте друг дружку, шакалы!

– Ну! Увидел все что хотел?! – зло рванул Андрея за рукав профессор. – Или желаешь досмотреть спектакль до конца?!

– Нет, нет, пойдемте, – залепетал с трудом возвращающийся к реальности аспирант и, неловко косолапая и переваливаясь с ноги на ногу, затрусил за широко шагавшим профессором.

В спину ему летел колокольчиком звенящий женский смех, и от звука его у Андрея почему-то становилось пусто и холодно в низу живота, а сердце начинало стучаться быстрее, норовя протиснуться сквозь клетку ребер и выпрыгнуть из груди.

Мрачное построенное в готическом стиле здание военной комендатуры возвышалось над окрестными домами, будто нависая над ними своей тяжеловесной архитектурой. Массивные двустворчатые двери оказались заперты изнутри на засов. Профессор с силой забарабанил по их деревянной обшивке кулаками, подождав чуть – чуть и не услышав никакой реакции на стук обитателей здания, развернулся к двери спиной и забухал в нее каблуком ботинка. Это возымело действие.

– Кто прибыл? Представьтесь! – неестественным металлическим голосом прохрипел забранный металлической сеткой динамик справа от двери.

– Я прибыл! – заорал профессор. – Мирный гражданин, нуждающийся в защите! Вы что не знаете, что творится в городе?!

– К сожалению, комендатура сегодня закрыта для посещения, приходите завтра, в приемные часы, – дежурно отозвался голос.

– Какое завтра?! Вы что, идиоты?! Не знаете, что творится в городе?!

– Гражданин, прекратите мешать нести службу и отойдите от двери. Если у Вас есть какие-то вопросы к коменданту, приходите завтра в приемные часы!

Профессор уже открыл, было, рот, чтобы разразиться потоком брани в адрес тупоголового вояки не желающего видеть дальше своего носа, но донесшийся из прилегающего к зданию комендатуры переулка рев мотора заставил его прерваться на полуслове.

– Бежим! – отчаянно выкрикнул Андрей, хватая профессора за плечо и с силой волоча его за угол здания.

И вовремя. Приближающийся рев мотора перешел в надрывный вой и на перекресток вылетел запыленный армейский внедорожник, в кузове держась за мощные изогнутые рамы, сидело и стояло шесть или семь человек одетых в разномастную камуфляжную форму. Ярко выделялись знакомые белые повязки на руках. Внедорожник, вылетев на прямую еще надал, хотя казалось, что это уже невозможно и, выкашляв из глушителя дымное облако, рванул мимо комендатуры. Усташа в кузове дружно заулюлюкали и вскинули стволы. Андрей инстинктивно бросился на землю, прячась за чахлыми ветками еще голого с едва распустившимися почками декоративного кустарника, росшего у крыльца комендатуры. Запыхавшийся профессор присел на асфальт рядом с ним. И тут же поверх их голов ударили выстрелы, автоматные очереди перемешались с гулкими хлопками охотничьих ружей, басовито скрежетнул пулемет, дурным голосом взвыли рикошеты, тонко зазвенели выбитые стекла. Усташа никуда

особо не целились, просто на ходу обстреляли здание и пронеслись дальше, гогоча и выкрикивая что-то оскорбительное. Вслед им дважды хлопнули пистолетные выстрелы, прозвучавшие сухо и неубедительно, будто ребенок колотил пистонной хлопушкой, на фоне настоящей стрельбы.

– Вот Вам и ответ, профессор, – осторожно приподнимаясь и оглядывая улицу, произнес Андрей. – Вот что может армия. Эти бедолаги, себя защитить не в состоянии, не то что поддержать порядок в городе.

– Действительно, похоже, Вы правы, – вздохнул профессор, без всяких церемоний усаживаясь прямо на невысокий бордюр ограждавший газон. – Защиты здесь искать не стоит. Такое впечатление, что город обречен. Точнее обречены живущие в нем сербы.

Будто подтверждая им сказанное, ветер донес откуда-то с соседней улицы эхо короткой перестрелки. Вначале дважды хлопнуло ружье, и тут же было забито автоматной скороговоркой в несколько стволов.

– Вот и еще один отмучился, – подвел итог, прислушивавшийся к стрельбе профессор.

Теперь даже ему, неутомному исследователю всем сердцем мечтавшему оказаться именно в такой ситуации, когда воочию можно будет наблюдать то явление, изучению которого он посвятил свою жизнь, стало ясно, что из города следует уходить. Интерес исследователя не мог перевесить инстинкт самосохранения, властно требовавший бежать, спасаясь от нависшей угрозы, оказавшись в эпицентре вспыхнувшего с новой силой застарелого этнического конфликта, они рисковали безвестно сложить свои головы, так и не закончив начатый ученый труд. Допустить такого профессор не мог, поэтому он первый заговорил о том, о чем давно думал, не решаясь высказать свои мысли вслух Андрей.

– Надо как-то вырваться из города, здесь становится слишком опасно, – задумчиво оглядываясь по сторонам начал профессор.

– Да, еще бы! Мы сейчас как раз недалеко от восточной окраины! Минут сорок ходу по этой улице и мы за городской чертой! – горячо поддержал его Андрей.

– Ох, коллега, – горестно развел руками профессор. – Ну почему Вы не хотите приучить себя думать, прежде чем действовать. Благодарите бога, что с Вами нахожусь я, иначе Вы действительно очертя голову бросились бы вперед и наверняка угодили бы в непоправимую беду.

– Но почему...

– Да потому, – перебил возмущенную реплику своего аспиранта профессор. – Потому что если мы двинемся в избранном Вами направлении, то за городской чертой прямиком попадем куда?

Андрей безразлично пожал плечами, мол, не все ли равно?

– Прямиком в деревню Шуица, населенную исключительно хорватами, – выдержав эффектную паузу, добил его профессор. – Как полагаете, они радушно встретят беженцев из города?

– Я как-то даже не подумал... – растерянно пробурчал Андрей, ощущая себя полнейшим идиотом.

– Вот-вот, – ехидно улыбнулся профессор. – Об этом я в самом начале и говорил. Но оставим это. Попытаемся сосредоточиться и сообразить, в каком же направлении нам выбирать.

Соображал профессор недолго, уже через несколько минут лицо его осветила радостная улыбка.

– Эврика! Решение принято, – оповестил он приунывшего аспиранта. – Итак, предлагается решать проблему не по частям, а кардинально. То есть оставить тактические задачи и обратиться к стратегическим целям...

– Умоляю, профессор! Короче! – взмолился Андрей. – Поверьте, цветник около комендатуры, которую того и гляди начнут брать штурмом не лучшее место для теоретических умствований!

Профессор обиженно фыркнул, но действительно перестав упражняться в красноречии, перешел к изложению созревшего в его голове плана нормальным человеческим языком.

– Итак, примем, как данность, что выступления подобные тем, что произошли в этом городе, редко бывают спонтанными, а в условиях распада когда-то единой страны, как в нашем случае, неорганизованными и случайными быть не могут по определению. Соответственно, логично предположить, что подобное же творится на всех территориях Боснии и Герцеговины, кроме тех, на которых компактно проживает какая-либо одна нация из трех основных. Таких территорий здесь достаточно немного. Практически везде в центральных районах одинаково представлены сербы и мусульмане, в южных и северных сербы и хорваты, на востоке опять сербы с вкраплением значительных мусульманских анклавов. Зная это, мы вправе предположить, что к пороховой бочке национальной нетерпимости, что давно подспудно зрела в этих местах, недавно был поднесен фитиль и произошел взрыв. По всей видимости, сейчас все три нации сцепились между собой, и территория республики превратилась в сплошной кипящий котел, где идет война всех против всех. Причем прошу заметить, эта война является этнической и одновременно религиозной. Босния и Герцеговина в этом плане уникальная республика, она населена людьми предельно родственными между собой этнически, но предельно различными по религиозному признаку. И именно это различие побудило некогда единый народ разделиться на три разных национальности, даже на четыре, считая за нацию некоторый процент так называемых югославов. А теперь ответьте мне, юноша, какой основной чертой, чрезвычайно существенной для нас характеризуются подобные войны?

Профессор вновь вошел в раж и даже принялся артистично размахивать руками, помогая языку яснее выражать свои мысли. Точно так же, как он всегда делал на лекциях в заполненных студентами аудиториях. Подобное поведение с точки зрения Андрея было сейчас явно неуместным, но он боялся одернуть старшего товарища до того, как он полностью изложит созревший у него план спасения. Андрей безоговорочно доверял светлому уму своего учителя, и пусть порой, профессор проявлял себя мало приспособленным к жизни, чудаковатым кабинетным червем, это ни в коей мере не могло подорвать веры аспиранта в старшего товарища и наставника. Потому, вместо того, чтобы резкой фразой вернуть на землю не вовремя вспарившего в облака теории ученого, Андрей, собравшись с мыслями, попытался ответить на его вопрос.

– Вы, наверное, имеете в виду их всеобъемлющий характер...

– Вот именно, юноша, вот именно! – торжествуя ткнул его пальцем в грудь профессор. – Конечно же! В такой войне участвуют все! В стороне не остается никто и никогда, ибо война ведется на полное уничтожение одного народа другим, никто не может рассчитывать на милосердие победителей, ни женщины, ни старики, ни дети... В случае поражения погибнут все до одного. Это обуславливает жестокий характер боевых действий, которые ведутся, как правило, без единой линии фронта, сразу во всех населенных пунктах. Так какой же следует из сказанного вывод?

– Выбираться отсюда надо... – мрачно выговорил Андрей, его начала раздражать неумелая велеречивость профессора.

– Именно! Только выбираться надо не отсюда, а из страны вообще. А для этого нужно пробиваться в сторону ближайшей границы. Причем пробиваться в сторону Хорватии, я бы не советовал, вряд ли нас там хорошо примут. Значит, остается только Сербия с традиционно дружественным к русским населением. Встает вопрос, каким же образом мы можем из Купреса попасть на расположенную от него в двух сотнях километров сербскую границу? Ясно, что пешком мы это расстояние, по воюющей стране преодолеть не сможем. Так что же делать?

– Профессор, да говорите же! – взорвался, наконец, долго терпевший Андрей. – Вы же не на лекции в МГУ, здесь с минуты на минуту могут появиться усташы...

– Как же Вы не терпеливы, друг мой, – осуждающе качнул головой профессор. – Ну да ладно не буду Вас мучить. Я считаю, что нам необходимо добраться до Сараева. Во-первых, возможно, там будет все же установлена чья-то единая власть, которая более-менее цивилизованно обойдется с иностранными туристами. Во-вторых, этот город, как Вы, должно быть, помните, является политическим центром республики, там находится международный аэропорт, представительства иностранных фирм, в конце концов, если международное сообщество решит ввести в республику миротворческие силы, то первой точкой, где они появятся, будет именно Сараево, это же касается и всех гуманитарных организаций вроде врачей без границ и прочих красных крестов и полумесяцев. В-третьих, к востоку от Сараева начинаются густо заселенные хорошо относящимися к нам сербами территории, где мы сможем чувствовать себя достаточно уверенно. Вот такие аргументы я могу привести за выбор конечной точки нашего маршрута.

– И сколько же нам топтать до этого Вашего Сараева?

– Не близко, километров восемьдесят примерно, все зависит от того, каким путем мы двинемся.

– А что есть варианты?

– Варианты, юноша, есть всегда, – наставительно произнес профессор, нервно потирая переносицу. – Мы можем попытаться двинуться на север по шоссе, ведущему в город Травник, а уж оттуда найдя какой-нибудь транспорт отправиться в Сараево. Можем двинуться напрямую через Горни Вакуф по сельской местности. У каждого варианта есть свои недостатки и преимущества. Но оба они страдают одним существенным изъяном, так и так нам придется пересечь весьма обширные территории плотно заселенные мусульманами.

– Да и черт с ними, лишь бы не хорватами, – бездумно бросил Андрей и тут же нарвался на осуждающий взгляд профессора.

– Не знаю, не знаю... – протянул тот. – Может быть, встретиться с усташами даже предпочтительнее, чем с мусульманскими бали. Или Вы думаете, что в такой суматохе они упустят возможность пустить кровь своим извечным врагам? Ну-ну...

Андрей, в который раз за время этого разговора, пристыжено замолчал. Впрочем, профессор не обратил на его виновато потупленную голову должного внимания занятый более насущными проблемами, чем воспитание нерадивого аспиранта.

– Что ж, нечего торчать здесь, как три тополя на Плющихе. Заметут нас тут, – удачно пародируя сиплый голос Хмыря из «Джентльменов удачи», произнес он, с кряхтением поднимаясь на ноги. – Для начала попытаемся пробраться к своему отелю, хотя чует мое сердце, время упущено. Но попробовать стоит, гораздо приятнее путешествовать с набором необходимых вещей, чем налегке...

Говоря о том, что время упущено профессор оказался абсолютно прав, еще на подходе, за несколько кварталов до стилизованного под старинный замок двухэтажного здания отеля, они увидели поднимающийся к небу жирный столб черного дыма. Все уже было ясно, но верный привычке доводить все до конца и лично убеждаться в том, что сделано все возможное, профессор все же потащил Андрея дальше. В итоге они смогли понаблюдать за великолепным пожаром. Гостиница пылала из окон верхних этажей с раздраженным гудением выхлестывало жаркое пламя, внизу не горело, но не оставалось никаких сомнений, что это ненадолго, вскоре ненасытный огонь должен был сожрать деревянные перекрытия и обрушить вниз потолок. Усташей рядом с гостиницей не было, но никаких сомнений в их авторстве не оставлял распятый на воротах обнаженный труп хозяина с коряво вырезанной на груди уже набившей за сегодняшний день оскомину буквой «U». Андрей поймал себя на том, что мозг начал не то чтобы привыкать к подобным жутким зрелищам, а просто тупеть, отказываясь с преж-

ней остротой воспринимать информацию из сошедшего с ума окружающего мира. Даже когда он неожиданно осознал, что же за неправильность была в распятом трупе, даже тогда внутри ничего не дрогнуло, просто остекленевшее безразличное сознание отметило еще один факт. У трупа вовсе не было половых органов. На месте паха зияла глубоко вырезанная в теле дыра, все еще медленно сочащаяся багровыми сгустками. Профессор где-то за плечом судорожно сглотнул и произнес не своим сильным голосом:

– Пойдемте, Андрей, здесь нам нечего делать.

Аспирант безразлично кивнул, соглашаясь со сказанным, действительно здесь больше нечего было делать, как впрочем, и где-либо в другом месте этого в одночасье сошедшего с ума благообразного европейского городка еще утром казавшегося таким тихим и цивилизованным. Им нечего было делать здесь, они были чужими в этой кровавой вакханалии и, тем не менее, они были здесь, и с этим приходилось примириться. Не получалось ущипнуть себя и проснуться совсем в другом месте и в другом времени. Как этому не противился съездившийся, спрятавшийся где-то в самой неприступной глубине черепной коробки разум, надо было смириться с реальностью всего происходящего. Надо было жить в предложенных условиях, вернее не просто жить, а бороться за жизнь. Как ни дико и невозможно казалось все творившееся вокруг. Пригибаясь, воровато оглядываясь по сторонам и прижимаясь к стенам домов, они двинулись к северной окраине города.

Дорогу Андрей запомнил плохо, и как ни старался потом восстановить ее в памяти, у него это ни разу не получилось. Время стало дискретным, и сознание работало яркими вспышками перемежающимися абсолютными черными провалами небытия, во время которых он словно автомат шел, прятался затаив дыхание, по команде профессора или бежал сломя голову. Вокруг мелькали картины пьесы абсурда, кроваво-жуткие фантазмагии по сравнению с которыми, круги ада безобидного фантазера Данте могли показаться веселыми картинками из детского журнала. Пылали дома, кричали люди, стоны и мольбы о пощаде перемежались с торжествующим ревом насильников и убийц и единым слаженным хором взлетали к небу, отовсюду неслась спорадическая беспорядочная пальба, когда неясно кто в кого и почему стреляет. Калейдоскопом мелькали перекошенные гримасами ярости и боли лица, воздух был предельно насыщен гарью и ни с чем несравнимым тяжелым сладковатым духом свежей крови, от которого заворачиваются набекрень мозги и желудок отчаянно бьется в гортань, стараясь выбросить наружу все, что было съедено за день.

Единственной картиной, что ярко и четко сохранила память Андрея, стала беременная женщина, стоящая на коленях на ажурном балкончике второго этажа из последних сил цепляющаяся за декоративные извивы чугунной решетки ограждения. Ее широко распахнутые уже ничего не видящие глаза, в которых застыл предельный ужас, огромный надутый изнутри практически созревшим плодом живот, покрытое свежими царапинами и ссадинами тело... И черными тенями просто безликими силуэтами двое ублюдков ее насилующие. Один пристроился сзади, а другой стоя в полный рост и схватив женщину за волосы, тыкал торчащим из расстегнутой ширинки вздыбленным членом ей в лицо, понуждая сделать ему минет. Женщина отворачивалась, и он каждый раз попадал ей в щеки, глаза, уши, это злило насильника, и после каждой неудачной попытки он с оттяжкой пинал ее ногой в перевитый синей венной сеткой отвисающий к низу живот. Профессор потащил Андрея за рукав, и они нырнули в темную узкую подворотню, оставив позади насильников и их жертву, но в ушах Андрея еще долго стоял всхлипывающий плач женщины и радостный хохот усташей.

На сумасшедшего серба они наткнулись уже на окраине, в тот момент, когда поняли, что практически у цели, что вырвались из тех районов, где в основном происходили события местной «Варфоломеевской ночи», точнее дня. От осознания того, что практически все позади, они утратили осторожность и тут же были за это наказаны. Кварталы этажной застройки к тому времени давно остались позади, и улочка по которой они шли, состояла из частных одно

– двухэтажных домиков, аккуратных и похожих на кукольные. Каждый окружала фантазийная изгородь, за которой виднелась ухоженная лужайка и несколько плодовых деревьев. Здесь все дышало покоем, сумасшествие охватившее центр города не докатилось мутной волной до этого тихого окраинного уголка. Лишь изредка долетали звуки выстрелов, напоминая, что только что пережитое вовсе не было кошмарным сном и за спиной остались огонь и смерть. Но и стрельба здесь воспринималась как-то по-другому, звуки ее были не резкие, приглушенные, их вполне можно было принять за безобидный праздничный фейерверк. Профессор с наслаждением потянулся, расправляя сведенные от долгих перебежек согнутым в три погибели спинные мышцы, огляделся вокруг и с облегчением вздохнул.

– Ну что? Похоже, выбрались! – он с размаху хлопнул Андрея по плечу, так что не ожидавший подобного проявления чувств аспирант едва устоял на ногах. – Здесь ближе к окраинам народ еще сохранил былой сельский уклад, не поддался городскому сумасшествию, а здоровый сельский дух подобные вспышки истерии не приемлет. Видишь, каким покоем веет от этих ухоженных домов, палисадников, лужаек? Все это умиротворяет, сближает с природой, не то что каменные джунгли типовых многоэтажных коробок в которых теснятся идиоты, воображающие, что именно в пропахших бензином городах и бьется пульс настоящей жизни.

Андрей промолчал, хотя и не был согласен с профессором. Уж насчет типовых многоэтажных коробок и запаха бензина Владимир Михайлович явно погрешил против истины. Архитектура Купреса вовсе не была однотипной, именно здесь Андрей, дитя советского мегаполиса, впервые понял, что многоэтажки не обязательно должны быть уродливыми монстрами как близнецы похожими одна на другую, а количество автомобилей на улицах хоть и было значительным, но как то даже не ощущалось, поскольку ездили они аккуратно и тихо, педантично соблюдая правила дорожного движения и отчего-то были такими же как дома чистенькими и ухоженными.

– Крестьяне, в отличие от городских масс всегда были более инерционны, – меж тем продолжал разглагольствовать профессор. – Это объясняется тем, что крестьянам всегда есть что терять. Они имеют частную собственность, причем довольно значительную, свой дом, сад, участок земли... У горожанина ничего этого, как правило, нет, потому он более легок на подъем, более склонен к различным авантюрам. Крестьянин же любые перемены и призывы к ним воспринимает с недоверием, у него устроенная и налаженная жизнь и любые беспорядки грозят ее разрушить. Он не может, подобно городскому жителю, вдруг ни с того ни с сего сняться с насиженного места и отправиться на поиски лучшей доли. Его не пускает хозяйство...

Увлечшись своей теорией, профессор так и продолжал болтать до тех пор, пока они оба, беспечно топая в рост и ни от кого не скрываясь, не завернули за угол образованный очередным забором. За углом прямо в лица историков глянули черные провалы стволов охотничьего ружья, желание говорить мгновенно пропало, очень захотелось быстро отшагнуть назад, за спасительный угол, но вспыхнувшие шальной радостью безумные, с расширенными зрачками глаза, смотревшие на них поверх стволов однозначно говорили о том, что никаких движений делать не стоит.

– Я вас тут жду, жду... А вы все не идете... – срываясь на радостный щенячий взвизг прокаркал хриплый простуженный голос.

– П-п-простите... – заторможено пролепетал профессор, разводя руки в стороны, чтобы не нервировать держащего их на мушке человека. – Не понимаю...

– А и понимать нечего! – рывкнул тот в ответ. – На колени оба! Руки за голову! Ну! Быстро!

Качнувшиеся в нетерпении ружейные стволы действовали весьма убедительно, профессор опустился на колени так быстро, будто ему подрубили ноги. Андрей тоже не заставил себя упрашивать. Каменная крошка давно положенного растрескавшегося от времени асфальта неприятно впиалась в колени, но аспирант боялся лишний раз пошевелиться и стои-

чески терпел боль, лишь бы неосторожным движением не привлечь к себе лишний раз внимание пленителя. Только теперь он смог его рассмотреть. Судя по выговору, мужчина был сербом, возраст определить не представлялось возможным, слишком уж перемазано было его лицо свежей угольно-черной копотью, лишь от прищуренных глаз через щеки тянулись несколько белых бороздок размазавших грязь. Следы слез? Кто он такой? Чего хочет? И почему сидит здесь в засаде с ружьем? Вопросы молнией пронесли в голове, и ни на один из них не нашлось приемлемого ответа. Андрей внимательнее вгляделся в лицо серба, и его до самого сердца пронзила мгновенным смертельным холодом острая игла ужаса. Мужчина явно был не в себе, правая щека его мелко тряслась в нервном тике, в такт этим подергиваниям скрежетали и лязгали зубы, глаза горели мрачным торжествующим огнем, а двустволка просто плясала в ходивших ходуном руках. Причем один из стволов был плотно забит свежей влажной землей, из него даже вытарчивал стебель изумрудно-зеленой молодой весенней травы, видимо мужчина где-то не то полз, не то двигался перебежками и в горячке черпанул стволом землю сам этого не заметив. «Он просто сошел с ума! Он абсолютно не в себе! Возможно, так же как и мы, недавно выбрался из города! – сообразил Андрей. – Он же не понимает, что происходит вокруг, и если вдруг ему придет в голову, что мы ему чем-то угрожаем, он, не задумываясь, нас пристрелит!»

– Ну что, убийцы? Попались? – серб криво ухмыльнулся, от чего дрожащая в тике щека задергалась еще сильнее, придавая лицу нелепое гротескное выражение. – Думали, вам все сойдет с рук? Как бы не так! Не стоило вам трогать Радко и его семью, не стоило... Сейчас я за все с вами рассчитаюсь!

– Подождите! – раненым зайцем вскрикнул Андрей. – Подождите! Мы никого не трогали! Мы сами спасаемся от усташей!

– Здесь какая-то ошибка! – вторил ему профессор.

Серб гулко захохотал.

– Конечно! Само собой! Радко ошибся! Вы очень хорошие и хорошие люди и, конечно, оказались здесь совершенно случайно!

– Да-да! Так оно и было! – торопливой скороговоркой вторил ему Андрей, как то до ужаса ясно осознав, что если он сейчас не убедит этого сумасшедшего, то умрет, вот прямо здесь, на этом самом месте, до самых печенок продрало понимание, заставив язык работать с удвоенной энергией.

– Молчать! – взревел серб и, неожиданно проворно шагнув вперед, ударил его ногой в лицо.

Андрей подавился собственным криком, разбитые еще утром губы лопнули, как переспевшие сливы, брызнув наполнявшей их темной кровью.

– Молчать! Не вы, так другие, такие же! Или может быть вы тоже сербы?! А?!

– Подождите! Не бейте его! – делая попытку подняться на ноги и умиротворяюще раскинув в стороны руки с раскрытыми пустыми ладонями, вскрикнул профессор. – Конечно мы не сербы, но и не хорваты! Мы русские туристы! Мы совершенно случайно здесь оказались!

– Молчать! – снова рявкнул, замахиываясь на профессора прикладом серб.

Двустволка взлетела в воздух и на мгновение замерла в верхней точке замаха, готовая опуститься на седую профессорскую голову. Владимир Михайлович видя неотвратимость удара, весь сжался, вновь опускаясь на землю и пытаясь прикрыться руками. Но удара не последовало, приклад медленно опустился, а серб глухо застонав, будто от тупой ноющей боли, застыл на месте, прикрыв глаза. С минуту он стоял неподвижно, профессор и Андрей боялись пошевелиться, скорчившись в нескольких шагах от него, потом серб опустил ружье, с силой провел по лицу рукой, словно стирая налипшую на него паутину, и посмотрел на них новым изменившимся взглядом. На этот раз в глазах не было того торжествующего безумия, что так напугало их в начале, просто они были полны боли и лишь в самой глубине тлел еле заметный огонек легкой сумасшедшинки.

– Кто вы? – спросил серб, ладонью придерживая все еще бьющуюся в тике щеку.

– Русские! – веско выговорил профессор. – Русские ученые, случайно попавшие в эту заваруху. Теперь мы пытаемся выбраться из города.

– Русы? – недоверчиво уставился на них серб.

– Русы, русы, – подтвердил профессор. – Только вот от этого совершенно не легче...

– Простите, на меня что-то нашло, я принял вас за этих...

Лицо серба вновь перекосила гримаса ненависти, и профессор поспешил вставить успокаивающим тоном:

– Да ничего, мы все понимаем...

– Что вы можете понять? – горько произнес серб, устало опустившись на землю.

Он удивленно оглядел ружье в своих руках и отложил его в сторону.

– До сегодняшнего дня у меня была семья, был свой дом... Теперь ничего этого нет. Вчера я, как обычно, ушел на дежурство в котельную, а когда вернулся, оказалось, что у меня больше нет ни семьи, ни дома...

Из его правого глаза, чертя белую дорожку на закопченной щеке, скатилась крупная слеза, он досадливо смахнул ее рукавом, но за ней прозрачной жемчужиной уже капнула вторая.

– Тогда я пошел к своему соседу, он хорват, но мы всегда жили мирно, были хорошими соседями и никогда не вспоминали, что у нас разные национальности до сегодняшнего дня. Я пришел к нему, и он сразу отпер мне дверь. Он говорил, что ничего не мог сделать, что утром пришли какие-то вооруженные люди, они изнасиловали мою жену прямо во дворе дома, а когда сын пытался заступиться за мать, его просто застрелили. Пристрелили, как бешеную собаку, походя, не думая и не жалея... А потом отрезали голову моей жене... Так у меня не стало семьи... Потом они затащили трупы в дом, и подожгли его... Так у меня не стало дома... Он утешал меня, говорил какие-то слова... А я тогда вспомнил, что он тоже хорват...

Серб судорожно сглотнул и замолчал, глядя куда-то внутрь себя остекленевшими глазами.

– И что же было дальше, – предчувствуя что-то страшное, облизнув пересохшие губы, спросил профессор.

– Дальше? – будто очнувшись от кошмара, быстрой скороговоркой произнес серб. – Дальше все было очень просто. Я взял со стола кухонный нож и ударил его в горло. Он страшно захрипел и схватил меня за грудки. Тогда я ударил его еще раз и еще, я бил и бил, в грудь, в живот в лицо, до тех пор, пока он не отпустил меня и не упал. Потом я бил его ногами, а он уже перестал хрипеть и, наверное, умер. Потом прибежала его жена, она очень громко кричала, и я ударил ее ножом в рот, чтобы она прекратила, но она стала кричать еще громче, пришлось перерезать ей горло, я не мог выносить этот крик. Видите, как они испачкали кровью мою одежду?

Серб с удивлением, словно впервые увидел, осмотрел свою залитую запекшейся кровью куртку. Мотнул головой, будто лошадь, отгоняющая навязчивого слепня, и с видимым усилием продолжил:

– Потом я поднялся на второй этаж, потому что уже был в этом доме и знал, что там находится детская. Их дочери было всего пять лет, она ничего не поняла, но все равно испугалась меня и хотела убежать. Я поймал ее и ударил ножом в сердце. Она умерла сразу, наверное, ей совсем не было больно. Потом в дальней комнате я нашел вот это ружье и взял его с собой. Нужно было уходить из этого дома, мне почему-то стало страшно там оставаться, казалось, что мертвецы сейчас встанут, и будут тянуться ко мне своими холодными руками. Я хотел убежать, но нужно еще было сжечь дом, ведь мой дом сожгли, значит, и я должен был обязательно сжечь их дом. Тогда я пошел на кухню, нашел в буфете свечку, зажег ее и оставил гореть на полу, потом открыл газ на плите, сразу все конфорки. Потом не помню... Кажется я пошел искать

тех, кто убили мою жену и сына, а может быть и нет... Не помню... Мысли путаются... Газ взорвался, я слышал взрыв, но к тому времени ушел уже далеко... Потом я искал убийц... Потом... Нет, не помню...

Серб закрыл лицо руками и принялся медленно раскачиваться, изредка глухо постанывая. На замерших рядом русских он больше не обращал никакого внимания.

– Профессор, он совершенно не в себе, надо скорее уходить, пока он отвлекся, – тихо шепнул по-русски Андрей, осторожно приподнимаясь.

Владимир Михайлович ответить ему не успел, потому что серб вдруг отнял руки от лица и судорожно схватился за лежащую на земле двустволку. Лицо его искривила злобная и вместе с тем торжествующая гримаса.

– Ага! О чем это вы тут сговаривались?! Думаете, я сошел с ума и ничего не слышу?! Нет, хорватские собаки, вам не удастся меня обмануть! Теперь-то я понял, вы те самые, кто отобрал у меня дом и семью! Что явились и за моей жизнью?! Но нет, так легко вы ее не получите!

– Подождите! – отчаянно вскрикнул профессор, видя, что серб вскидывает ружье к плечу. – Вы ошибаетесь! Подождите!

Крик его потонул в жутком грохоте выстрела. Профессор, получивший заряд крупной дроби в грудь опрокинулся навзничь, глухо стукнувшись затылком об невысокий каменный бордюр. Серб же, дико взыв и выронив ружье, завертелся волчком на асфальте, прижимая к животу изломанные окровавленные руки с неестественно торчащими под немыслимыми углами пальцами. Андрей, парализованный внезапностью происшедшего, несколько секунд тупо смотрел то на него, то на замершего без движения профессора. В ноздри лез горько-кислый пороховой дым, ружье с развороченным раскрывшимся зазубренными лепестками стволом сиротливо лежало между двух окровавленных людей. «Левый ствол был забит землей, и при выстреле его разорвало», – как-то вяло и отстраненно подумал Андрей. Разум отказывался принять произошедшее только что на его глазах, и аспирант мучительно пытался заставить себя проснуться, чтобы весь окружающий ужас рассеялся предутренным кошмарным бредом и мир, наконец, вернулся обратно в привычное положение, встав с головы на ноги. Мир, однако, желание аспиранта исполнять не спешил. Зато где-то глубоко внутри историка, интеллигентного рафинированного москвича, вдруг впервые заворочался, продирая глаза после долгого сна тот самый Некто, что со времен пещерных предков мирно дрыхнет в глубине души каждого человека, усыпленный свалившимися на него благами и условностями современной цивилизации. Некто не мог вернуть вчерашнее тихое благополучие маленького европейского городка, он вообще плохо разбирался в таких материях как тишина и понятия не имел о Европе. Зато он четко представлял себе, как нужно поступать с теми, кто пытался угрожать твоей жизни и лишь благодаря случайности не смог ее отнять. Внимательно осмотревшись по сторонам, Некто моментально углядел вполне подходящий обломок кирпича и, без малейшего труда подчинив себе ватные безвольные мышцы тела Андрея, сделал на подламывающихся ногах аспиранта пару шагов в нужную сторону, затем заставил его присесть, протянуть правую руку вперед и надежно сжать в ладони теплую шершавую поверхность камня. Убедившись, что кирпич сидит в руке как влитой, и совершенно правильно смотрит острой гранью наружу, Некто развернул Андрея к все еще визжащему сербу и шагнул вперед.

В себя Андрей пришел от мерзкого хруста где-то внизу под руками и жирного липкого чваканья, обдавшего кисти чем-то скользким и теплым. По лицу тоже стегнули обжигающе горячие брызги, и только тут Андрей осознал, что его глаза крепко зажмурены и поэтому он не может видеть, что собственно происходит. Впрочем, глаза тут же открылись, и аспирант заверещал раненым зайцем, а желудок стремительно подкатил к горлу, заставив его судорожно сжиматься, наполняя рот кислым привкусом желчи. Руки будто сами по себе независимо от остального тела вновь занесли покрытый перемешанной с кровью серой слизью обломок кирпича и с размаху опустили его на бесформенное месиво, в которое превратилась голова серба.

Андрей едва успел зажмуриться, отвратительные теплые капли вновь полетели ему в лицо. Гадливо передернувшись, Андрей поспешно вскочил на ноги, споткнувшись обо все еще подергивающееся в агонии тело. Как не старался, он не мог вспомнить, каким образом ему удалось разmozжить противнику голову, связанные воспоминания заканчивались на моменте, когда серб выстрелил в профессора, дальше шел сплошной багровый туман, абсолютно непроницаемый и наполненный какой-то дикой практически звериной злобой.

Андрей глянул на свои перепачканные кровью руки и принялся ожесточенно тереть их об одежду с такой силой, что посдирал кожу с тыльных сторон ладоней. Боль на какое-то время отрезвила его. Шатаясь от вдруг поразившей мышцы смертельной усталости, он подошел к профессору. Присел рядом и долго глядел на застывшее в посмертной гримасе лицо.

– Как же вы так, Владимир Михайлович? – хриплым каркающим голосом полным глупой нерациональной обиды спросил он покойного. – Как же я-то теперь без вас? Куда идти? Что делать?

Покойник само собой не ответил. Профессору уже было все равно, ничего из происходящего в этом мире уже не могло его взволновать. Андрей даже испытал короткий прилив иррациональной злости на такое вот «дезертирство» старшего товарища, оставившего привыкшего полагаться на него ученика без помощи и защиты именно в тот момент, когда он в ней отчаянно нуждался. Андрей попытался закрыть покойнику глаза, но только измазал веки в струпках подсыхающей крови. В итоге лицо профессора стало напоминать лукаво подмигивающую гротескную маску клоуна. Смотрелось это так жутко, что аспирант поспешно поднялся и, не оглядываясь, заковылял прочь. Куда он идет? Зачем? Он не знал ответов и не задавался целью их выяснить, ему просто нужно было оказаться подальше от этого страшного места, не видеть мертвого профессора и трупа убитого им самим человека. Он шел, едва переставляя онемевшие непослушные ноги, но все же с каждым неверным шагом удаляясь все дальше от маленького по-европейски цивилизованного и тихого городка под названием Купрес, корчившегося от боли за его спиной. Провожали аспиранта отсветы пожаров, поднимавшиеся к темнеющему вечернему небу столбы черного дыма, да гремевшая тут и там беспорядочная стрельба.

Джокеры

Теплый весенний ветерок, несший с собой пряные запахи пробуждающейся природы, ласково гладил лицо мягкими нежными пальцами. Сквозь мерный рокот мотора грузовика нет-нет да прорывался радостный птичий гомон. Пернатая мелочь, безмозглая и не отягощенная людскими проблемами легкомысленно радовалась наступлению весны. Роман расслабленно откинулся на дощатый борт, устало прикрыв глаза. Вездесущая дорожная пыль навязчиво щекотала ноздри, тонкой едва различимой глазу маской ложилась на лицо. Машину мерно потряхивало на ухабах, рождая ощущение легкой морской качки, очень хорошо было вот так полулежать опираясь на шершавые доски и представлять себя к примеру отдыхающим на собственной яхте посреди Средиземного моря миллионером. А что, если не открывать глаз, то сходство ощущений получалось практически полным: неторопливое покачивание длинной морской волны, ласкающий лицо ветер, так волнующе пахнущий луговыми цветами, молодой сочной листвой... И оружейной смазкой, густо воняющей режущим нос ароматом, перебивающим и забивающим все остальные запахи. И еще одуряющей вонью десятка давным-давно немых тел здоровенных мужиков, расположившихся рядом с ним в кузове грузовика. Черт! Опять не вышло погружения в бездумную пронизанную чуткой полудремой дорожную нирвану.

Роман открыл глаза и, не меняя расслабленной позы, внимательно осмотрелся. На первый взгляд все было вроде бы в порядке, но только на первый. Дорога петляла по идиллической сельской местности, среди покрытых изумрудной травой нешироких луговин перемежавшихся острыми клиньями насквозь просматриваемых по весеннему времени рощиц. Далеко впереди виднелись аккуратные, будто кукольные, белые домики, крытые красными черепичными крышами. Его всегда поражало это вопиющее несоответствие местных сельских картин, тем, что привычно рисовало, воспитанное в России начала девяностых воображение. Конечно, и на русские деревеньки иной раз приятно глянуть вот так вот издалека, подъезжая к ним с невысокого пригорочка. Порой, даже так сердце защемит открывающаяся краса, что хоть выпрыгивай из машины, доставай сложенный в багажнике мольберт и принимайся с ходу ваять пейзаж, поскуливая от охватившего восхищения. Вот только стоит подъехать чуть ближе и сразу бросается в глаза вовсе другая картина – покосившиеся без хозяйского догляду, укоризненно глядящие на прохожих облупившейся краской оконных наличников дома, грязные заляпанные коровьим дерьмом, усыпанные вездесущей подсолнечной шелухой и бумажными обертками от сникерсов кривые улочки, полуобвалившиеся плетни служащие лишь декоративными границами приусадебных участков... И как неизбежная достопримечательность щербатые старухи на завалинках и до синевы пьяный аграрий мужеска полу в центральной луже вперемешку с гусями и свиньями. Рисовать такое уже отчаянно не хотелось, и даже если удавалось сбежать опять на должное расстояние, то вся убогость и мерзость, скрытая с открывающегося ракурса все равно оставалась в памяти, полностью меня картину восприятия мира тонкими чувствами художника. Уже и хотел бы приукрасить, залакировать действительность, ан нет, не дано, получится уже не картина, а так, лубочная поделка, ширпотреб, не стоящая затраченных на ее создание времени и усилий. Иначе устроено было здесь. Роман не уставал этому поражаться. Села и вблизи не теряли своего игрушечного кукольного лоска. Дома оставались такими же свежепобеленными и аккуратными, смотри хоть в упор. Каждый окружал небольшой ухоженный садик с беседками, неизбежными качелями и ажурным заборчиком по периметру. В обязательном порядке имелись приличный бар, гостиница для приезжих, церковь и сельская управа. Даже улицы и те одевались в асфальт, или на худой конец были вымощены брусчаткой. Про электричество, газ и водопровод и говорить было нечего. Эти невиданные в русской глубинке чудеса само собой разумелись. Одним словом местное сельское население вело вполне цивилизованную и

комфортную жизнь. Именно вело, еще несколько месяцев назад. Прошедшее время в данном случае звучит вполне уместно, потому как теперь в этих кукольных селах жизнь комфортной не назвал бы и самый неисправимый оптимист. Гражданская война, что поделать, не сахар, как известно и без разницы поражает ли она развитую европейскую страну или делящее место вождя племя полинезийских дикарей. Когда в бою встречаются вчерашние соседи, друзья, а то и родственники, просто не остается места различным условностям, наложенным на процесс уничтожения себе подобных нормами международного права. Те несчастные десять процентов верхушки айсберга человеческой личности, что сформированы под влиянием нескольких столетий цивилизации, моментально уступают место спящим до поры в каждом из нас диким инстинктам хищного зверя. Каким, собственно говоря, человек и являлся несколько миллионов лет, пока не придумал себе игру в разум, милосердие и осознание культурных и духовных ценностей современного мира.

Эти мысли быстрым полусознанным вихрем пронесли в голове Романа, пока он оглядывал делающую перед селом широкую петлю, огибающую заливной луг, дорогу. На выходе с луга был расположен изогнутый горбом деревянный мостик, перекинутый через бурлящий прозрачно белыми бурунами пены неширокий ручей. Село начинавшееся сразу за ручьем, судя по рассказу проводника из местных хорватов, угрюмого и постоянно сосредоточенного парня лет двадцати по имени Иво, было сербским. То есть теперь оно стало сербским, еще несколько месяцев назад во всей Боснии и Герцеговины даже самый усердный исследователь не нашел бы ни одного пусть самого маленького населенного пункта с однородным по национальному признаку населению. Речь могла идти только о пропорциональном соотношении и доминировании одной национальности над другой, ни о чем больше. Теперь же местные уже привычно оперировали терминами «сербское село», «хорватский город» или «мусульманский хутор». Сказался результат упорно и последовательно проводимой всеми сторонами конфликта политики выдавливания чужаков со «своей» территории. Выдавливали по всякому, иногда мягко, выгоняя из домов и отбирая имущество, иногда жестко, вспарывая живот и пуская под крышу «красного петуха», итог и в том и в другом случае был один – на конкретной отдельно взятой территории оставались только свои, чужие уходили, или умирали. Может так бы и удалось в конце концов поделить страну, установив жесткие границы между народами, да вот беда, до войны слишком уж пятнистой и неоднородно перемешанной была этническая карта Боснии и Герцеговины, не зря какой-то яйцеголовый умник обозвал ее «леопардовой шкурой». Не получалось даже в результате этнических чисток добиться создания сколько-нибудь значительных по размерам мононациональных кусков когда-то единой республики. Обязательно на территории сербов должен был оказаться город, населенный мусульманами не желающими оставлять свои дома и готовыми защищать их с оружием в руках. И, наоборот, на хорватской территории возникает целая община из нескольких сел с практически полностью сербским населением, создающим отряды территориальной самообороны, напрочь отказывающаяся подчиняться оккупационным властям и добровольно отправляться в специальные лагеря для лиц неправильной национальности. Короче огромный бурлящий котел, война всех против всех, жестокая до того, что палачи, по локоть обгабившие руки в крови жертв, вся вина которых лишь в другом вероисповедании, сами сходят с ума не в силах жить после совершенного, а то и меняются с жертвами местами. Постоянный круговорот «жертва – палач; палач – жертва» с каждым витком становящегося все более жутким и запредельным чудовищного конвейера насилия. Сегодня хорваты режут сербов, завтра сербы – мусульман, послезавтра мусульмане – хорватов. И наоборот, а потом еще раз заново, и снова в обратном порядке.

Сейчас Роман со скоростью около сорока километров в час приближался к вклинившемуся на территорию, считавшуюся хорватской, сербскому селу под названием Войковичи. Считали так где-то в далеких от вонючих окопов, безумных атак в рост на пулеметы и густо пахнущей людской крови штабах с лакированными паркетными полами и чистыми уютными

кабинетами. Там служили пахнувшие дорогим одеколоном элегантно одетые, лощеные офицеры, представлявшие себе войну в виде аккуратно выведенных на картах стрелок. Они призывали ужинать в ресторанах, а ночи проводить с настоящими женщинами, отдающимися им добровольно или за деньги, а не с дрожащими от страха и отвращения под дулом автомата селянками, пропускающими через себя уже десятого «освободителя». Для них война шла в кабинетах, они считали себя ее богами, а для исполнения рожденных ими замыслов существовали другие люди – чернорабочие, те, что копошась в крови и дерьме, воплощали их решения в жизнь. Очередная стрелка, начерченная карандашом такого «вояки» забросила сегодня Романа к этому недавно ставшему сербским селу.

– Командир, связь со штабом.

Сидевший справа невысокий жилистый парень толкнул его в плечо, протягивая сорванные с головы наушники старенькой советской рации Р-105.

– Джокер-раз, ответил, – прижав к уху скользкий от пота теплый наушник и поднеся к губам гарнитуру, выдохнул Роман, по-немецки.

С разговорным хорватским были проблемы, первое время он вообще не представлял, как будет общаться с местными, пока к немалому удивлению не выяснил, что практически все его однополчане вполне свободно чешут по-немецки, а если добавить к этому оказавшийся интернациональным языком общения русский мат, то лингвистическая проблема и вовсе снималась. Сам Роман неплохо изучил язык дойчей еще в пору золотой юности, когда великая и могучая советская держава готовилась навалить всему западному миру в целом и Федеративной Республике Германия в частности, и, соответственно, на совесть обучала языку вероятного противника кадры своих спецподразделений. Вот и пригодилась изученная когда-то чужая речь. Не там, правда, где планировалось, но уж что бог послал, извиняйте, бананьев нема...

По равнодушному холодному эфиру долетела частящая и запинаящаяся скороговорка командира бригады:

– Джокер, где находитесь, доложите обстановку!

– Сорок восьмой квадрат, девятка ближе к двойке по улитке, – злорадно улыбнувшись без запинки, выдал Роман.

Он никогда не упускал случая лишний раз поиздеваться над не имевшим даже намека на военное образование комбригом, выдвинувшимся на эту должность благодаря нестигаемым политическим убеждениям, а вовсе не полководческим талантам. С удовольствием послушав несколько секунд недоуменное молчание, воцарившееся в эфире, командир видимо соображал, что это за двойка с девяткой, с чем их едят и причем здесь собственно непонятная улитка, он все же пояснил нарочито уставшим тоном:

– Находимся у южной окраины села Войковичи, рядом с мостовой переправой, пока активности местной территориальной обороны не наблюдаем.

– Отлично! – разом воспрял духом командир бригады. – Приказываю, форсированным маршем выдвинуться к селу. Атаковать его с ходу, подавить любое сопротивление и удерживать до подхода основных сил бригады. Пусть сербские собаки узнают всю силу гнева угнетенного хорватского народа...

Он еще что-то там клокотал подобного же характера, давясь и захлебываясь слюной, но Роман уже отнял наушник от уха и воспринимал командирские вопли лишь как далекий командирский писк, раздражающий конечно, но не настолько, чтобы предпринимать какие-то действия. В принципе никакой смысловой нагрузки эти речи все равно не несли, главное уже было сказано. «Интересно, как он себе это представляет, штурм наверняка укрепленного и готового к обороне села силами десяти человек, будь они даже трижды специальной группой?» – качая головой, подумал Роман. Хотя особого удивления не выказал, по крайней мере, внешне. На этой странной войне случалось порой и не такое. На все фронты прогремел анекдотичный случай взятия мусульманского села одиноким русским добровольцем, которого во время похмелья

ных мучений шутки ради подразнили сослуживцы, сообщив, что в крайнем доме осажденного села торгуют отличной ракией. Кто же знал, что похмельная жажда окажется настолько сильна, что бросит русского в отчаянную одиночную атаку? И уж вовсе невозможно было предположить, что удивленные нетипичным поведением врага дежурные пулеметчики мусульман и так напуганные слухами о противостоящих им тысячах русских «плаченников», кинут свои укрепленные положаи и сломя голову рванут за подмогой в село, сея панику среди своих заспанных ничего спросонья не понимающих товарищей. У страха глаза, как известно велики, вот так и вышло, что один похмельный доброволец превратился в целый штурмовой батальон. А крик: «Русы! Трчим! Русы, доджем!» стал сигналом к общей панике и беспорядочному бегству, поскольку каковы в бою добровольцы на своей шкуре успели прочувствовать многие из окопавшихся в селе мусульман и, обладая подобным опытом, вовсе не жаждали новой встречи с жуткими русами.

Смешно, конечно, но подобные эскапады реально встречались вначале вспыхнувшего в республике конфликта, до тех пор, пока стороны не подкопили боевого опыта, не набрали должного ожесточения и решимости извести, наконец, давних врагов под корень. Теперь такой фортель уже не прошел бы на сто процентов. Потому брызжащий слюнями оптимизм командира полка явно был лишен всяких логических оснований, и Роман понимал это как никто другой, потому как был вовсе не кабинетным стратегом, что, склонившись над красиво оформленной штабной картой, небрежно вычерчивает разноцветные стрелочки будущих ударов, а практическим исполнителем. Тем самым парнем что, в ужасе выпучив глаза и пластая от живота длинными очередями в белый свет как в копеечку, идет в атаку по столь лихо выведенному цветным карандашом направлению на карте. Потому, не слушая, что там еще верещит в эфире старший начальник, он отшвырнул наушники на колени радисту и замолотил затянутой в форсистою черную кожаную перчатку с обрезанными пальцами ладонью по металлической крыше кабины.

– Стой! Приехали!

Обиженно чихнув выхлопными газами «мозготряс» остановился, подняв тучу пыли.

– К машине, парни!

Сидящие в кузове бойцы неохотно зашевелились, постепенно выплывая из мутного забытья и тяжелого оцепенения, в которое неизбежно погружает монотонная дорога уставшего измученного хроническим недосыпом человека. Звякнула оружейная сталь, зашаркали по доскам кузова ребристые подошвы десантных ботинок, прерываясь звонкими шлепками и короткими матерными возгласами, подгоняющими тех, кто дольше других не мог включиться в реальную жизнь из полужомбированного состояния навеванного дорогой.

– Быстрее, быстрее! Что как вареные? Просыпаемся! – торопил подчиненных Роман.

Наконец, неловко перевалившись через борт, из машины вывалился, прижимая к груди квадратное тело рации, дольше всех провозившийся радист. Роман поудобнее перехватил автоматное цевье правой рукой и лишь чуть оперевшись левой о борт кузова одним стремительным броском выметнул поджарое тренированное тело на дорогу. Приземлился совершенно бесшумно, гибко по-кошачьи выгнув спину, и тут же внимательно осмотрел свое войско, замершее в немом изумлении. С удовольствием отметил несколько особенно восхищенных взглядов. Он никогда не упускал случая лишний раз показать своим «шимпанзьям», как он называл подчиненных, кто здесь самый ловкий, сильный, умелый и так далее по списку. Короче при любой возможности старался утвердить свой командирский авторитет, пусть он и так был незыблем, но лишний раз укрепить незыблемое тоже не помешает. А то, что-то по мере становления в качестве солдат, особенно после двух-трех удачных акций, шимпанзята обретали о себе любимых немотивированно высокое мнение, бурели просто на глазах и становились трудноуправляемыми. Так пусть постоянно видят разницу между настоящим ученым великим государством и несколькими войнами профессионалом и собой едва обстрелянными сопляками. Пусть даже

сопляки порой оказывались значительно старше своего командира. В данном случае это роли не играло.

Спецподразделение легкой пехотной бригады Хорватского Вече Обраны проходившее в штабных учетах под само за себя говорящим названием «Джокеры» состояло исключительно из добровольцев уже получивших кое-какой боевой опыт в обычных пехотных частях и самостоятельно без всякого давления со стороны начальников решивших продолжить службу в рядах особой группы, славящейся дерзкой рисковостью проводимых акций и бесшабашной лихостью. «Джокеров» был всего десяток, но подобных сорвиголов не видали по обе стороны фронта во всей зоне ответственности бригады. Формально они были подчинены бригадному штабу, но частенько передавались в распоряжение командира того из батальонов, что вел наступление на наиболее сложном участке. А уж тот вовсю использовал их потенциал для различного рода диверсионных и подрывных акций в тылу противостоящего противника, а иногда и на его фронтовых положениях. Для «джокеров» вовсе не считался чем-то выдающимся ночной бросок к укрепленному бункеру противника с последующим взятием в ножи обнаруженных в нем врагов, или недельный рейд по вражеской территории с засадами на дорогах и подрывом складов и техники. Само собой в результате столь бурной службы состав группы довольно часто обновлялся, неся потери убитыми и ранеными. Неизменным оставалось лишь ядро: командир группы – Роман Подвойский, наемник, прибывший на эту войну из России и вначале пытавшийся воевать на стороне сербов, но быстро понявший, что одними моральными принципами сыт не будешь, а денег от «братушек» не дождешься; его бессменный заместитель и первый советчик по любым вопросам – Петрович, тоже русский наемник; еще один их земляк постоянно мрачный и равнодушно-жесток в бою Влад, прозванный местными «джокерами» в честь знаменитого тезки Дракулой. Вокруг этого составленного из иностранцев, продающих за немалые деньги свои весьма специфические умения и знания, костяка группировались собственно мышцы спецподразделения, состоящие из особо склонных к повышенному риску местных уроженцев, прошедших уже первичную обкатку боевыми действиями и придирчиво отобранных из немалой массы желающих.

Роман приглашающе махнул рукой Петровичу и, не оглядываясь, зашагал вверх по склону невысокого холма, поросшего сочной молодой травой мгновенно окрасившей своим соком черный глянец ботиночной кожи. Сзади он слышал недовольное сопение Петровича и легкие, мягко переваливающиеся с пятки на носок шаги Влада. Дракулу он не звал, но его и звать не надо было. Как-то так само собой повелось с самого начала их прибытия в эту страну, что угрюмый молчаливый волгоградец принял на себя роль бессменного телохранителя и ординарца Романа, повсюду следуя за ним неслышной тенью, готовый в любой момент по еле уловимому кивку командира нажать на спусковой крючок. В первое время это в немалой мере способствовало укреплению командирского авторитета. Немного находилось желающих оспаривать приказы и распоряжения Романа в тот момент, когда из-за плеча русского слушника мерили внимательным и вместе с тем равнодушным взглядом, будто смотрит на бьющуюся об стекло муху, бесцветно-водянистые глаза Дракулы.

На вершине холма командир «джокеров» остановился. Отсюда разлегшееся в низине село было видно, как на ладони и казалось сонным и легко доступным, будто податливая и размягчающая спросонья деревенская девка, раскинувшаяся ражим телом на теплой печи. Впечатление усиливал легкий утренний туман, скопившийся в низине, похожий на ажурную кисею прозрачного покрывала. Вот только вся эта доступная легкость была сплошной обманкой. Ну не верил достаточно повидавший уже на этой войне Роман, что живущие в селе бельмом на глазу впечатавшемся на хорватскую территорию сербы столь беспечны, что спокойно дрыхнут в этот ранний час в своих постелях, не выставив караулов и наблюдателей. Не бывает такого просто по определению, просто потому, что так не может быть никогда, слишком велика подобная невероятная удача, чтобы на нее рассчитывать. Три к одному, что местные «территориальцы»,

разбуженные засекшими приближение незнакомой машины часовыми, сейчас скрытно занимают свои заранее расписанные оборудованные и пристрелянные огневые точки вдоль крайних дворов села, готовясь к встрече незваных, а значит враждебных, гостей. Так уж повелось здесь с недавнего времени, что всякий забредший на огонек путник – враг, не ждут от него ничего хорошего и добро, если не продырявят на дальних подступах из снайперки, даже не поинтересовавшись целью визита, а просто выгонят взащей, чтобы не шастал в окрестностях, прицел не застил. Требовательно протянув руку назад и сделав нетерпеливое хватательное движение пальцами в воздухе, Роман почувствовал, как в ладонь ему легло еще теплое приятно гладкое на ощупь цевье СВД. Ничего говорить не требовалось, Дракула понимал его с полужеста. Иногда командир «джокеров» всерьез задумывался, а не обладает ли его неразлучная тень телепатическими способностями. Настолько невероятным порой было это его умение понимать все без слов и мгновенно действовать, будто считывая напрямую из командирской головы еще даже не полностью оформившиеся мысли.

Оптический прицел изрядно сузил поле зрения, зато намного приблизил тонущие в туманной завесе домики. Гарантированно различить движения «территориальцев» с такого расстояния вряд ли представлялось возможным, но кое-какие достаточно много говорящие опытному взгляду детали уловить все-таки удалось. К примеру, начатые, да так и заброшенные, толком не отрытыми, по извечному местному разгильдяйству траншеи, заделанные чем-то светло-белым, вроде мешков с песком окна крайнего дома – наверняка огневая точка, да еще странное сооружение вроде невысокой башенки из бетона с плоской крышей, что-то вроде дота, похоже оставшееся еще со Второй Мировой... Худшие предположения подтверждались, за просто так никто не станет превращать жилой дом в укрепленный бункер. Верняком там расположена огневая точка местной территориальной обороны, вторая, скорее всего в старом доте, уж больно удобным получается в этом случае перекрытие секторов обстрела надежно держащих под прицелом и ползущую к селу дорогу и всю луговину, открывающую подступы с этой стороны. Эти два узла обороны, скорее всего, оборудованы пулеметами, а служащие слабым, но все же укрытием недорытые траншеи вполне уместят пару десятков бойцов с легким стрелковым, что в плюс к пулеметам позволит гарантированно отразить неподдержанную броней атаку стрелковой роты, а то и целого батальона. Да, дела... Значит с ходу атаковать и взять село? Ну-ну...

Рядом недовольно засопел одышливый и страдающий хроническим насморком Петрович, забулькал своей неизменной коньячной фляжкой, утробно хекнул, протолкнув теплый густой напиток в горло. Без заветной фляжки Петрович не прожил бы и часа, постоянно прикладываясь к узкому металлическому горлышку, дабы пополнить содержащуюся в организме дозу «боевых стимуляторов», обходиться без которых категорически не мог. В периоды вынужденной трезвости он бывал злым и раздражительным, при этом враз начинали обостряться все его возрастные болячки от беспорядочно скачущего давления, до пытающей порядком изношенный организм зверской изжогой язвы желудка. Петрович превращался в абсолютную ни на что не годную развалину, громогласно стонал и клял злодейку-судьбу, изводя остальных членов команды беспрестанными жалобами, причем был настолько нуден и отвратителен в своем горе, что окружающие сбивались с ног в поисках спиртного лишь бы прекратить этот слезливый поток. Выпив же, Петрович преображался до неузнаваемости, орлом расправлял впалую грудь, в глазах загорались шалый азартные огоньки, а щеки наливались румянцем, переставали дрожать скрюченные артритом шишковатые пальцы, а мозг начинал работать со скоростью компьютера, безошибочно просчитывая массу вариантов действий и находя выход из совершенно тупиковых положений. За это и терпели в отряде, числили штатным замом по тактическим вопросам, первым советником командира и старались поддерживать постоянно в работоспособном состоянии, что порой было не так уж и просто. Казалось бы, пятидесятилетнему мужику далеко не по возрасту и здоровью мотаться по чужим войнам. В самый раз бы уже

обзавестись собственным домиком на берегу теплого моря, разбить вокруг него аккуратный садик и покуривать себе погожим деньком сигары на веранде, сидя в кресле качалке и глядя на бьющиеся о берег волны. Благо, заработанные за практически тридцатилетнюю военную карьеру деньги, вполне позволяли осуществить такой вариант, окончательно уйдя на покой. Ан нет, Петрович твердо решил, что гораздо перспективнее сдохнуть на каком-нибудь очередном контракте, чем медленно спиваться раздавленным тихой и мирной жизнью рантье, в которой нет места привычному драйву и адреналиновой подпитке. «Женился бы ты, старый! – частенько поддевал Петровича командир. – Завел бы себе аппетитную вдовушку, наследников настрого кучу, глядишь, и к оседлой жизни потянуло бы». Петрович в ответ лишь пренебрежительно фыркал и с королевским достоинством произносил одну и ту же сакраментальную фразу: «Рожденный пить, е... не может. Так что бабы мне как-то без надобности, особенно те, на которых жениться надо. Проще сразу самому застрелиться, чем она мне постепенно плешь своими капризами проест».

Грохнув из фляжки очередную коньячную дозу, третью или четвертую за утро, Роман сбился со счета и точно сказать не мог, Петрович пришел в благодное расположение духа и безапелляционно заявил, довольно поглаживая себя по животу:

– Ждут нас козлятки, к попу не ходи, ждут. Уж больно лихо мы подкатали, не могли не засечь.

– Сам знаю, – недовольно скривился Роман. – Лучше предложил бы чего дельного.

– А чего же? И предложу! Никаких проблем! – обидчиво вздернул подбородок Петрович. – Сейчас садимся завтракать, кофе там, коньяк опять же... И ждем. Ждем подхода первого батальона. Потом выкатываем сюда на холмик минометы и начинаем гвоздить по крайним домам, выставив на дороге в село заслон, чтобы «братушки» чего доброго в гости не пожаловали. Долбим до тех пор, пока этим уродам в селе не надоест. Потом медленно спускаемся и добиваем тех, кто не успел удрать. Вот и все. Никаких проблем! Расчетные потери – ноль людских единиц, расход боеприпасов – до сотни мин и чуть больше патронов. Что-то не устраивает, ваше благородие?

– Все устраивает, – не отрываясь от оптики, процедил сквозь зубы Роман. – Очень неплохой план, пожалуй, лучшего я и сам бы не придумал. Но смущает один нюанс.

– Какой же это, интересно? – тут же вскинулся Петрович.

– Да все тот же. Нету у нас ни минометов, ни первого батальона, а село должна взять наша группа, причем в кратчайшие сроки.

– Ну я не знаю, Ром, – картинно развел руками штатный аналитик. – Логического решения подобная задача не имеет. Или Вы, ваше благородие, тактику никогда в военной бурсе не изучали? Как Вы себе представляете, интересно бы знать, атаку укрепленного рубежа силами втрое уступающим по численности обороняющимся? Да они нас просто-напросто в землю вобьют, не дав прорваться даже к околице, причем не особо напрягаясь. Условия для стрельбы любо-дорого, прям как в тире.

– Вот ты и придумай что-нибудь этакое, докажи, что не даром свой кусок хлеба с икоркой имеешь, – бесцеремонно прервал разошедшегося Петровича Роман.

– Вечно вы, москвичи, так, – обиженно заворчал аналитик. – Не знаю, как, но вынь да положь... всю Россию выжали досуха, и здесь от вас покоя тоже нет...

– Подумаешь, москвич, нашел к чему придаться! Зато все Петровичи – алкоголики, – невозмутимо парировал Роман.

– Да я..., – взвился было Петрович, но тут же был остановлен повелительным жестом командира.

– Все! Закончили базар! Верю, что ты за всю жизнь и грамма спирта в глотку не залил, идеальный трезвенник и все такое прочее... А теперь можешь еще разок приложиться к волшебной фляжке, но хоть тресни, а какую-нибудь подходящую идею мне роди!

– Идею, идею ему подавай, – вполголоса забурчал Петрович, сноровисто откручивая винтовую пробку. – Эх, развелось вас, дуболомов молодых, только палить во все что движется, да стенки бронированными лбами прошибать... А Петрович – пьянь, алкоголик... И чего же вы все к Петровичу на поклон бежите, как только жаренный петух в задницу клюнет... Э-эх...

Монолог прервался затяжным бульканьем. Роман невольно улыбнулся, даже по бесстрастному лицу Дракулы скользнула легкая тень, отдаленно напоминающая почти человеческую усмешку. Эмоция надо сказать для него практически невозможная, за все то время, что Влад прикрывал ему спину, Роман наблюдал подобное два или три раза, не больше. По характеру Дракула был мрачен и неразговорчив до чрезвычайности, на вопросы обычно отвечал односложно, о прошлой жизни никогда ничего не рассказывал, а на попытки его как-то разговорить реагировал не совсем адекватно – просто молча отходил от спрашивающего подальше. При этом как боец группы Влад, именно так и никак иначе, на Вову или Владимира Дракула просто не отзывался, был в прямом смысле этого слова незаменим. Казалось, не было такого предмета в военном деле, каким бы он не владел в совершенстве: стрелял без промаха из любого оружия, разбирался во всем многообразии применяемых на этой войне мин и фугасов, был признанным мастером в рукопашной, легко читал карту и водил практически любой колесный и гусеничный транспорт. Одним словом мастер на все руки. Где он получил столь разностороннюю подготовку, и какие жизненные коллизии превратили в общем-то молодого только-только начавшего жить парня в бесчувственную машину уничтожения себе подобных, в группе не знал никто. Хотя интересовались многие, даже спорили иногда между собой о его возможном прошлом, в отсутствие самого виновника спора, разумеется, а то недолго было и в морду схлопотать, на кулак наемник был куда как скор, не то, что на слова.

Со смачным чавканьем просмаковав добрый коньячный глоток, Петрович потянулся, мечтательно подмигивая яркому весеннему небу, и неожиданно гаркнул:

– Четники!

– Где?! – мгновенно вскинулся Роман, приседая и отработанным движением бросая к плечу винтовочный приклад, Дракула тоже рухнул на траву, как подрубленный.

Петрович зашелся хриплым каркающим смехом.

– Испугались, козлятки? Да не в том смысле, что вон там четники. А, эврика! Четники! Идея меня посетила...

– Слышь, старый, – недовольно проворчал Роман, демонстративно устраиваясь поудобнее и отчаянно делая вид, что просто устал стоять, а вовсе не был напуган криком своего зама. – Ты давай движения не путай! Есть что сказать – говори, а то орешь как оглашенный.

Дракула, которому блюсти реноме было не перед кем, просто исподтишка показал аналитику крепкий костистый кулак с характерными каратистскими мозолями.

– Вот я толком и говорю, – поспешил пояснить Петрович. – В этой местности у сербов до фига отрядов четников действует.

– Это нам и без тебя известно, – зевнул командир. – И что из того?

– А то, что отряды четников, это по сути те же партизанские банды, без особой дисциплины, определенной формы и знаков различия. Получается что? Любой серб с автоматом в руках может заявить, что он четник из отряда какого-нибудь там Бобана Мстителя, или Драгана Непобедимого. И хрен кто его проверит и разоблачит до тех пор, пока эти самые Бобан и Драган не скажут их это человек, или нет. А если их и самих в природе не существует? Тогда у кого прикажете спрашивать? А?

– Ты к чему это клонишь, Петрович? Что-то я не очень врубаюсь...

– Да к тому! – бесцеремонно перебил командира аналитик, злясь на его непонятливость. – Что в отрядах четников далеко не редкость русские добровольцы! Которые к тому же обычно действуют своим коллективом, без сербов. Понял теперь?

– Не совсем, пока...

– От блин, все вам разжуй да в рот положи, сами ни черта думать не хотите. Представь, если мы втроем, никого не боясь и не прячась, заявимся в село на нашей таратайке и представимся русской диверсионной группой из четы какого-нибудь Велько Могучего Засранца, посланной им для усиления обороны этого стратегически важного населенного пункта. Как думаешь, поверят нам или нет?

Роман даже сразу не нашелся что ответить. На первый взгляд идея Петровича была просто бредовой и самоубийственной. Но как раз некая сумасшедшинка и бесшабашная дерзость предложенного плана и делала его привлекательным в глазах склонного к различным авантюрам командира джокеров.

– Ну, блин, ты старый и даешь... – только и смог выговорить Роман, задумчиво качая головой.

– Что даешь? Нормально все. Ничего давать не надо, – засуетился аналитик. – Ты сам прикинь, какие плюсы! Нас они не расколют верняк, мы же настоящие русские, можем говорить без акцента и так далее. А русские только на их стороне воевать могут, так они думают, тут на нас мусульманская пропаганда поработала. Это же муслики каждый раз как им по заднице надают, орут про целые батальоны русских наемников на сербской стороне. Так громко возмущаются, что им уже все верят, сербы в том числе. Так что здесь все нормально пройдет, уши им законопатим, не подкопаются. Дальше смотри. Что они в этом случае делают? А?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.